

МАРИЯ
ЛЕТОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СИЛЬНЕЕ ЧЕМ ТЫ ДУМАЕШЬ

Мария Летова

Сильнее, чем ты думаешь. Книга 2

<https://litres.ru/74364797>

SelfPub; 2026

Аннотация

Приятно видеть, что меня достали из бана, — читаю я сообщение на экране.

Всего одна строчка, которая делит мой день на до и после. Останавливает пульс и дыхание. От лица отливает кровь. Причина - я не думала, что еще когда-нибудь получу от этого абонента сообщение

Однажды я потеряла голову от парня после первой встречи. Эти ощущения были головокружительными, как и его поцелуи, но те чувства не идут ни в какое сравнение с теми, что я испытала, когда мы стали врагами

Книга 1 "Сильнее меня"

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	36
Глава 8	43
Глава 9	48
Глава 10	53
Глава 11	59
Глава 12	63
Глава 13	68
Глава 14	73
Глава 15	80
Глава 16	85
Глава 17	90
Глава 18	96
Глава 19	100
Глава 20	105
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Мария Летова

Сильнее, чем ты думаешь. Книга 2

Глава 1

Для лиц старше 18 лет

Аделина

— Аделина у нас увлеклась фотографией, — объявляет мама. — Хотя этим в наше время не прокормишься. Или я не права?

Она обращается не ко мне, но я все равно тихо отвечаю: — Это просто хобби.

Мы в ресторане, и он жужжит. Мне впервые лет за пять тем повезло, что день рождения выпал на субботу, так что здесьлюдно. Я не парилась с местом, выбрала что-то поближе к дому родителей, чтобы им не тащиться на другой конец Москвы. Просто придушила разногласия в зародыше.

Мне исполнилось двадцать четыре. Я родилась в обед, без проблем и форс-мажоров. В двадцать четыре я доставляю родителям примерно столько же проблем.

— Да, собственно, вы правы, — слышу я рядом. — Особо не зарабатываешь. Но Аделине пригодится в работе, пусть изучает...

Эти слова режут слух, потому что звучат так, будто я у кого-то спрашивала разрешения, но я не реагирую. Ни штыками, ни комментариями. Просто изучаю салатные листья в своей тарелке, в последнее время мне так комфортнее - быть тихой и незаметной.

— А я, видимо, что-то пропустил, — говорит папа. — Первый раз слышу про твоё хобби.

— Просто ты не подписан на мою страницу, — успокаиваю я.

— Надо исправляться...

— Кирилл, — обрывает наш диалог мама. — А у тебя какие планы? Ты надолго в Москве?

Я продолжаю смотреть в свою тарелку, слушая ответ:

— Я, вообще-то, насовсем. Я переезжаю.

— Вот это новости, — удивляется папа. — И молчишь. Почему так решил?

— Расширяю перспективы. Да и в целом, у меня в последние полгода много предложений на Москве завязано.

— Обстоятельства вынуждают?

— Не только.

Я наконец-то поднимаю взгляд от своей тарелки и смотрю на человека, в которого была влюблена практически всю сознательную жизнь.

Кирилл Голиков - ученик моего отца. В юности - подающий надежды теннисист, а сейчас соучредитель питерской студии видео и звукозаписи. В этом году у них появились спонсоры и они выиграли какую-то премию - засветились по крупному. И продолжают светиться, не упускают такую возможность.

Мы ровесники. Его день рождения был в феврале.

Последние шесть лет он живет в Питере, и для меня его переезд тоже новость.

Я встречаю его взгляд. Кир не отводит глаз от моего лица весь вечер.

Мы были вместе. Практически жили вместе, пока два года назад Голиков меня не бросил, так что я не принимаю его внимание за галлюцинацию, слишком хорошо с этим человеком знакома.

Очень тесно и близко. До миллиметра в физическом смысле, и до каждой черты в ментальном.

Он ездит взглядом по моему телу, весь вечер смотрит мне в глаза, когда не смотрит на губы, и все это внимание пропитано слишком большой настойчивостью. Особенно большой. Это что-то новое, поэтому и задевает.

В Питере у него есть девушка, но я игнорирую его внимание не поэтому. Я просто не хочу гадать, что сегодня творится в его голове. Он слишком давит...

Я его не приглашала. Он приехал вместе с родителями.

Мой отец был его тренером почти десять лет, они нико-

гда не теряли связь, он был у моего отца третьим ребенком. Связь они не теряли в том числе и из-за меня, ведь мы с Голиковым с пятнадцати лет то сходились, то расходились. Мы были вместе два года, даже живя в разных городах. Ссорились, потом мирились. Очень громко и бурно.

У него генетика аристократа. Черты лица, телосложение. Он худощавый, но жилистый. Сильный. Не склонен к набору лишнего веса, но с достаточно тяжелой костью, что иметь сильную подачу в теннисе.

Амбициозный, талантливый, самовлюбленный. Красивый.

Я могла бы составить ему отличное портфолио.

На нем пиджак и белые джинсы. Его волосы русые, челка отброшена со лба - он носит эту прическу уже год. Ему идет.

Встретив мой взгляд, Кир укладывает локти на стол и спрашивает, обращаясь только ко мне:

— Посоветуешь хорошего риэлтора?

— Отправлю сообщением, — отзываюсь я.

— А сейчас ты где живешь? — интересуется мама.

— Снимаю посуточно.

— Ты можешь пожить у нас. Хотя, ты, наверное, не один...

— Я один, — говорит он. — Но откажусь. Спасибо.

Я смотрю в тарелку, шестым чувствам ощущая, что он ждет моей реакции на свой обновленный “семейный” статус, но не собираюсь ее давать.

Мы два года как расстались, но именно в последние три месяца я динамила его везде - его сообщения в соцсетях, его фотографии, истории. Просто не открывала. Не интересовалась. Было не до этого.

И теперь я наконец-то поняла, как описать его сегодняшнее присутствие - он пришел из-за меня. И только.

Я усваиваю этот вывод, чуть скрипнув стулом по полу.

— Мы так тебе благодарны, — продолжает мама. — Правда, Кирилл. Ты нам очень помог.

— Помог, чем смог.

— Хорошо, когда есть возможности... — бормочет папа.

Голиков одолжил моим родителям деньги.

Мой младший брат сейчас судится со своим бывшим работодателем. Ему предъявили иск на конскую сумму, нам пришлось обратиться к услугам очень недешевого адвоката.

Мой брат программист, и он слил инсайдерскую информацию, нарушив... договор со своим нанимателем.

По его совету адвоката главной линией защиты станет то, что Макс не отдавал отчета своим действиям, поэтому сейчас мой брат проходит липовое лечение в психиатрической клинике, из-за этого суд перенесли...

Последние месяцы были для моей семьи супер стрессовыми, и это... только начало... Мы понятия не имеем, чем все это закончится. Для моего брата в любом случае ничем хорошим. Даже при лучшем раскладе он несколько лет будет... разгребать свое же собственное дерьмо.

Противоположная сторона не собирается идти компромиссы. За три месяца она не пошла даже на обычный контакт.

Я переключаю внимание на команду официантов, которые возникают у нашего стола с тортом, из которого торчит бьющая фонтаном искр свеча-фейерверк. У них с собой переносная колонка, музыка из нее орет. Поздравительная песня, помимо этого я получаю личные поздравления. Им известно мое имя и кое-какие подробности моей жизни.

Шум привлекает к нам внимание, особенно ко мне. Я это поздравление не заказывала, поэтому интуитивно бросаю взгляд на лицо Кирилла.

Он наблюдает за мной с ухмылкой и, не стараясь перекрыть поздравляющих, произносит:

— С днем рождения...

Глава 2

Букет, который Голиков принес, огромный. На его фоне я себя чувствую вторым номером, хотя, возможно, даже третьим, ведь после самого букета внимание автоматически переключается на человека, который его организовал.

Букет как минимум подчеркивает его финансовые возможности, мимо такого жеста просто не пройти, но мне он скорее портит настроение, чем поднимает, потому что все это... все эти жесты сегодня — я к ним просто не готова.

В том числе бороться за счет, который Голиков берется оплатить.

Я просто выскальзываю из-за стола и отправляюсь в туалет, позволяя Кириллу делать, что он хочет.

Я сейчас от любых конфликтов сбегая, это стало еще одним моим хобби. Тихая и... незаметная, да. Это... экономит мне энергию...

Меня спасает еще и то, что сейчас родителям достаточно услышать «все нормально» на любой вопрос, касающийся моей жизни. Им хватает проблем с Максом, чтобы хотеть услышать что-то другое, и это... так чертовски меня устраивает...

Выйдя из туалета, я прохожу через темный коридор и сразу направляюсь к выходу, потому что замечаю — наш столик

уже убирают. И я жалею, что с намерением Кирилла отвезти меня домой сталкиваюсь по факту — вижу, что он укладывает букет в багажник своей машины. И тот, что подарил сам, и тот, который принесли родители.

Я воспринимаю его действия молча. Оцениваю коротким взглядом, замерев в полушаге рядом с машиной, будто вошла в стену. Смотрю в лицо отца, по ушам мне ударяет хлопок крышки багажника.

На лице папы — бодрая улыбка.

Я думаю, Голиков может собой гордиться, он явно разбавил обстановку нашего семейного ужина. Стал его звездой, собственно, как обычно, но меня это никогда не смущало. Ни в двадцать, ни теперь. Я никогда ни в чем с ним не конкурировала, даже не думала. Быть звездой всегда являлось ролью Кирилла, а мне полагалось просто до безумия его любить.

Папа слегка гладит мое плечо.

— Мы пешком прогуляемся, — говорит он, с веселым прищуром косясь на машину.

Я плотно сжимаю губы, делая свою ответную улыбку «тонкой».

— Очень хорошо посидели, — мать встряхивает сумку и вешает ее на плечо.

— Может, все-таки подбросить? — Голиков протягивает отцу руку, оказавшись рядом.

Папа хлопает его по плечу. Слегка приобнимает.

— Ни в коем случае! — восклицает мама. — Нам идти пятнадцать минут. А вы... езжайте...

Ее поцелуй на своей щеке я почти не замечаю, их уход вообще становится для меня фоновым колыханием воздуха.

Я смотрю на Кира, который открывает пассажирскую дверь машины, спрашивая:

— Ты там же живешь, где и раньше?

Улица залита розовым светом от заката. Он ощущается теплым, этот свет, но ощущение скорее возникло из-за того, что уже неделю стоит жара.

На мне платье с запахом, очень летнее. Взгляд Кирилла теперь на моей груди и бедрах, и в этом взгляде я вижу комплимент, которым он меня почти касается.

Игнорировать его? Сложно, как и все, что Голиков сегодня творит!

— Да, — отвечаю я, подходя и садясь в машину.

Я живу на съемной квартире уже два года. С тех пор, как мы расстались. Он знает станцию метро, на этом все.

— Тачка не моя, — говорит Кир, сев в водительское кресло. — Арендованная. Че-т какая-то засранная, да?

— По-моему, нормальная...

— Ну, тогда не буду им рейтинг портить.

Его «тачка» — это свежий «Лексус», и, несмотря на легкую потертость салона, его все еще можно назвать новым.

— Адрес скажешь? — просит Кирилл, протянув руку к навигатору.

Пока он вбивает адрес в навигатор, я молча смотрю в окно. Когда трогаемся — тоже.

Не знаю, сколько должно пройти времени, чтобы Голиков стал для меня просто незнакомцем.

Он не позволял этому случиться на протяжении всех этих двух лет. Присутствовал так или иначе. Присутствовал в моей жизни. Сообщениями, лайками на моих фотографиях, через родителей и моего брата, с которым все это время общался. Макс написал для его студии несколько программ...

— Ты на диете? — спрашивает Кир.

— Нет, — отвечаю я без уточнений.

— Ты похудела.

— Отказалась от сладкого.

Не продолжая тему, он спрашивает:

— Так что, дашь мне риелтора?

— У тебя что, нет своего?

— Хочу от тебя немного заботы.

Мое терпение не железное, поэтому я все же смотрю на Голикова.

Выражение его лица непробиваемое, а взгляд — насмешливый.

— Тебе не хватает внимания? — спрашиваю я.

— Да нет, вообще-то. Уже не знаю, куда от него щемиться. Просто сегодня ощущение, что ты разговаривать разучилась, поэтому доебываюсь.

Отвернувшись, я тихо отвечаю:

— Со мной все нормально.

— Где пропадала?

— Занималась своими делами.

— Поня-я-ятно... — тянет он.

Нас прерывает вой проносащейся мимо машины с мигалкой. Она трещит так, что я морщусь, на секунду закрыв глаза.

— Заебали... — бормочет Кирилл, принимая правее.

Он сосредотачивается на дороге, когда навигатор объявляет скорый съезд, видимо, боится пропустить поворот, поэтому мы молчим. И это молчание длится всю оставшуюся поездку, потому что Кириллу снова приходится напрячь внимание из-за бардака на дороге, который обеспечил вечный ремонт недалеко от моего дома.

Я отстегиваюсь, как только машина тормозит и щелкают замки дверей.

Выхожу первая и направляюсь к багажнику, а когда Голиков подходит к нему с другой стороны, успеваю только слегка шарахнуться назад. Коснуться лопатками крышки и выставить вперед руку, когда своими Кир упирается в машину вокруг моей головы.

— Может, чаем угостишь? — говорит он, опустив на меня глаза.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я почти спокойно.

В ответ он сжимает пальцами мое запястье и кладет руку на свой пах.

Мои пальцы по инерции смыкаются на твердом бугре, хотя их и парализует через секунду.

Издав тихий смешок рядом с моим виском, Кирилл бормочет:

— Я весь вечер такой... Я тебя хочу сожрать...

Глава 3

Теплообмен между моей рукой и его членом даже через плотную ткань джинсов настолько быстрый, что ладони мгновенно становится горячо.

Такой контакт мог бы стать легким шоком от неожиданности, но мне слишком хорошо знакомо это тело! Габариты, возможности, температура. Я отдергиваю руку, даже не успев возмутиться, хоть и с коротким шипением. Голиков мне позволяет, но только для того, чтобы обхватить ладонью мой подбородок, сжать с нажимом и поцеловать.

Разумеется, он не собирается довольствоваться чем-то детским. Кир давит на мои губы, заставляя их раскрыться. Скользит в мой рот языком, на котором вкус его любимой мятной жвачки. Одной из. Какой конкретно вкус у этой, я отгадывать не берусь. Но это почти и есть все, что я чувствую, — вкус жвачки и тепло губ.

Наш последний поцелуй был не таким...

Я не помню, каким именно, но у меня никогда не было такого скудного набора ощущений. Всегда было горячо. Всегда! А теперь просто тепло.

Может, поэтому я не сопротивляюсь?

Кирилл перемещает руку на мою талию и сжимает ее тисками. Теперь давит не только на мои губы, но и на затылок

второй ладонью. Глубже, сильнее. Злее...

Он с шумом вдыхает. Разъединяет наши губы и смотрит мне в лицо, словно оценивая произведенный эффект.

Сжимающая мою талию хватка ослабевает, и я наконец-то перестаю так отчетливо чувствовать животом пульсирующее давление ширинки белых джинсов.

Преодолев застрявшую в горле хрипоту, я спрашиваю:

— Какого... хрена ты делаешь?

Я ошиблась. Я все же чувствую. Сейчас чувствую его тело: бедра, прижатые к моим, твердую грудь под своей ладонью, запах. Этого достаточно, чтобы наконец-то проснуться: ощутить силу в собственных мышцах и толкнуть Голикова ладонью прямо в солнечное сплетение.

Он отступает, качнувшись. Но очень гибко, как умеет. Он своим телом прекрасно владеет, как человек, который на протяжении почти десяти лет был единым целым с посторонним неодушевленным предметом — теннисной ракеткой. Отточенность движений осталась с ним и за пределами корта — в осанке, в жестах.

Звон, который наполнил мой голос, слышен, кажется, эхом, так что Кирилл ведет по волосам рукой, делает долгий вдох и режет:

— Давай спокойно поговорим. Без драмы.

— О чем поговорим? — произношу я все с тем же звоном, отходя от машины и заодно от Голикова.

Я поправляю свое платье: возвращаю чуть съехавший на

груди запах, пряча тонкую полоску выступившего кружевного лифчика. Слышу короткий, еле различимый смешок, а потом слова:

— Я соскучился.

Я скидываю голову, чтобы увидеть выражение его лица.

Его взгляд — непробиваемый.

Голиков все же сумел меня встряхнуть. Пусть на это ему потребовалось почти три часа и нарушение моего личного пространства, но сумел, ведь я наконец-то повышаю голос:

— Ты пошутил?!

«Соскучился».

Именно это слово он использовал, когда мы расстались в первый раз, и во второй, и в третий. А теперь, спустя два года, оно звучит как мем, но только Кирилл не выглядит шутником, он издает еще один смешок и отвечает:

— Мы с Лизой расстались. У нас все. Да и... это было всегда несерьезно.

— Вы жили вместе. Два года, — напоминаю я.

— Да, — отвечает Голиков. — Она мне мозги не клевала, условий не ставила. В общем, это все не важно. Мы расстались. И я всегда знал, что мне не Лиза нужна. Просто... у нас с тобой... все было не вовремя. Я был не готов...

— А теперь готов?! — возмущаюсь я.

Когда он меня бросал, сказал, что я слишком много от него требую. Налагаю слишком много ответственности, жажду слишком много... ответных чувств... Да, ответных

чувств.

Что слишком обо всем парюсь, что все продумываю наперед, что «имею его мозги».

Хочу посадить его на поводок.

И что такой я была всегда, даже в пятнадцать.

Два года назад я не чувствовала боли от этих слов. Я была обижена и зла. Злилась и злилась, а сейчас я и злости не чувствую. Я чувствую лишь оставшиеся ощущения от прикосновений — невидимые отпечатки на разных частях тела, в том числе на губах.

Прикосновений, которые я не разрешала и к которым не была готова!

— Я думаю, — слышу я, — что теперь все вовремя. Я... ну, можно сказать... вырос. Может, раньше меня что-то бесило, я себя пенсионером порой чувствовал. А теперь это даже нравится. Мне сейчас это все и нужно, такой период в жизни наступает, когда уже пора заканчивать херней страдать. Пора думать о будущем. Я только с тобой его вижу. Я... очень соскучился...

Он трет ладонью шею сзади и теперь смотрит с той улыбкой, от которой в пятнадцать у меня в животе порхнули первые в жизни бабочки. Сейчас вместо бабочек у меня там пустота, но это... с Голиковым не связано.

На самом деле эта пустота мне даже нравится. С ней спокойно.

— Теперь все как надо, — продолжает Голиков. — Про

Питер забудь. Там все. В этот раз все получится. Надо просто попробовать.

Именно тот факт, что меня не распирает от злости или других эмоций, позволяет его слова переварить почти трезво.

Я смотрю на него, даже не возмущенная, а с широко открытыми глазами.

Трезво. Хотя до сих пор оцениваю ощущения от оставленных на моем теле следов и то, что эти ощущения чересчур неоднозначные. Эти места чешутся. Я была не готова...

И ко всему этому дерьму — тоже.

Его энергия очень сильно давит...

Я хочу от этого давления сбежать, так что скольжу в сторону, направляясь к подъездной двери своего дома, неровно и нервно бросив на ходу:

— С чего ты взял, что я соскучилась?

Глава 4

Аделина

«Давай ты будешь отвечать на мои сообщения».

Очевидной реакцией на этот упавший мне пуш является вопрос: это просьба или требование? Но мне на самом деле плевать, так что я его не «озвучиваю».

Не потому, что прячусь от конфликтов до такой степени, а потому, что могу сказать Кириллу «нет» в любой момент.

Нет. Нет. Нет.

Столько раз, сколько захочу, и мне даже не придется придумывать для этого оправдания, аргументы или извинения. Именно так выглядит положение дел, мне это объяснять, разумеется, не нужно.

Я в очередной раз ругаю себя за то, что так и не удосужилась купить для своего фотоаппарата сумку побольше, из-за этого сейчас могу взять с собой только один объектив. Я решаю какой, держа их в руках, когда определяюсь, быстро застегиваю сумку и беру с тумбочки телефон.

Я:*«А если мне нечего ответить?»*

kirill_vibe:*«Тогда я буду плакать».*

Следом он присылает две ссылки с сайта аренды недвижимости и вопрос: *«Какая тебе больше нравится?»*.

Я трачу минуту на то, чтобы пройти по этим ссылкам. Палец нажимает на них почти механически, и отматывать назад уже поздно!

Это квартиры.

Выбор района меня не удивляет. Я не сомневалась, что Голиков выберет самый элитный, ему позволяют возможности. На его месте я бы сделала так же. И у меня возникло предпочтение даже в ходе знакомства по диагонали, но отвечаю я следующее:

«Обе отличные».

Он отмечает мое сообщение поднятым вверх пальцем.

kirill_vibe: *«Ну и? Придешь за меня поболеть?»*

Я пользуюсь своим правом — сворачиваю переписку, не собираясь ничего отвечать, но, закрывая дверь своей квартиры, я слишком сильно дергаю ручку.

Папа попросил Голикова побыть спарринг-партнером для своего ВИП-клиента. Любителю встретиться с противником, у которого есть спортивные достижения, — это огромный бонус.

Ни у кого из нас исход матча сомнений не вызывает.

В целом Голиков делает отцу одолжение, но, учитывая то, что Кириллу выпадает возможность познакомиться с владельцем недвижимости на Рублевке, думаю, это скорее обратная услуга.

Он действительно переезжает.

Не забывает отчитываться об этом в соцсетях. Очень ак-

тивно. По инерции досконально за этим следить мне мешает лишь то, что сама я свои соцсети почти забросила, поэтому бываю там нечасто.

Почти два месяца я не публиковала вообще ничего, недавно начала время от времени выкладывать свои фотоработы.

Моя страница полностью сменила направление. Я бы сказала... она стала отражением моих шатких поисков себя. Можно сказать, стала моим «я». Моим... настоящим «я».

Эта мысль по подкорке режет серпом.

Я отсекаю ее, с силой хлопнув подъездной дверью.

Я в основном предпочитаю держать свою голову пустой. Ну или полупустой. У меня, вообще-то, очень хорошо получалось концентрироваться на том, как хрустит яблоко, которое я ем, или как красиво выглядит город из моего окна в четыре утра. Оказалось, я очень самодостаточная, ведь умудрилась три месяца почти ни с кем не общаться и не сойти из-за этого с ума.

Это было легко еще и потому, что на протяжении почти семи недель я пыталась заново научиться усваивать еду, а не... отторгать ее после практически каждого приема пищи.

Так выглядит моя реакция на сильный стресс.

Я справилась с ней быстрее, чем в первый раз. Быстрее, чем в семнадцать. В этот раз без помощи матери, хотя скрыть от нее проблему не получилось, а я предпочла бы наоборот.

Дверью машины, в которую сажусь, я не хлопаю, но Тимур все равно выгибает брови над солнечными очками, когда я

на секунду позволяю ему заглянуть в мое лицо.

— Внутренний позитив ушел на перекур? — спрашивает друг, пока я вожусь с ремнем безопасности.

Издав смешок, я прогоняю с лица замороченное выражение.

Мне на это требуется секунда, в течение которой я смотрю в одну точку — просто по центру приборной панели перед собой.

— Все отлично. Поехали, — бормочу я.

Он заводит машину.

Тим — неформал. Недавно он сменил пепельный ежик на обычную стрижку, и вживую я этого еще не видела.

— И как? — спрашивает Тимур.

— Мне нравится, — быстро отвечаю я. — Но тебе все идет...

— Похвалить, обосрав, — резюмирует он.

Улыбнувшись, я откидываюсь на спинку сиденья и закрываю глаза.

У Тимура модельное лицо, очень фотогеничное, а тело — худощавое.

Мы общаемся уже два года, познакомились на нашей первой работе. Мы состояли в одной команде эсэмэшников, и нам было легко найти общий язык, потому что мы на одной волне.

Мы по-прежнему занимаемся продвижением в социальных сетях, правда, за пару лет я успела еще дважды поменять

работодателя, а Тимур уже полгода работает сам на себя.

Наконец-то с тех пор, как села в машину, я заставляю себя расслабиться.

Тимур будет моей моделью, я планирую фотосессию.

Делаю долгий выдох и опускаю плечи.

О том, какого масштаба давление Голиков собирается применить, говорит лишь то, что мой убранный в сумку телефон снова сообщает о входящих.

Одно.

Второе.

Третье.

Столько сообщений подряд сейчас мне может прислать только он, моя уверенность — 99-процентная.

А может, я даже этого хочу?!

Почему бы и нет?!

Начать сначала нам будет легко. Отношения с ним — это... очень понятная вещь. Почти привычка, от которой я избавилась... не так давно.

Это удобная вещь. Удобная для всех. Для моей семьи, для его семьи. Понятная. Тем более сейчас, когда все прошлые обиды к нему у меня просто схлопнулись!

Аннулировались...

Не из-за того, что я «выросла». Просто, пытаясь Голикова забыть, я чертовски перестаралась...

— Может, сначала поедим? — выдвигает Тим предложение.

Сделав короткий и рваный выдох, я отвечаю:

— Нет.

Несмотря на то, что я произношу это тихо и без нажима, Тимур все равно издает смешок...

Глава 5

Мне действительно нравится мое новое хобби. Помимо того, что оно успокаивает, еще и требует много концентрации, хотя первое со вторым, наверное, напрямую взаимосвязано. В любом случае примерно на полтора часа я забываю о том, что у меня есть телефон.

Даже когда он подает признаки жизни.

Даже если я их слышу.

Уже долгое время внешний мир не ломился в мою жизнь так громко. Или я просто отключала звук и слух, а теперь это вряд ли поможет, ведь мою голову уже не назвать пустой даже наполовину.

Только пока щелкает затвор фотоаппарата.

Я не планировала ничего фанатичного, наша локация — старая усадьба внутри МКАДа. Место очень заезженное, фотографии отсюда есть у каждого третьего, но меня это не смущает. Мне нравится контраст между современным стилем одежды Тимура и окружающей обстановкой. Это создает настроение. Новизну. В общем, это мой авторский взгляд, как и то, что я беру в основном крупный план.

Фотографировать Тимура просто — он когда-то подрабатывал моделью. Это примерно ноль один процент из того, в чем друг себя пробовал. Ему не нужны мои указания, он сам

отлично выбирает позы и выражение лица.

Вокруг нас слишком много зеленого, чтобы мозг мог не реагировать: здесь огромный парк, устланный газоном.

Обстановка успокаивает!

Кажется, даже мой пульс замедлился от мелькающей перед глазами травы, и я это очень хорошо чувствую, ведь поднятый Голиковым осадок заставил меня встать не с той ноги.

Тим прощает мне то, что время от времени я «пропадаю». Смотрю на него, но на самом деле не слушаю. Пока я пыталась привести в норму свое питание, он к подобным «отклонениям» привык. Особенно когда я объяснила, что со мной происходит.

Мы сидим на газоне некоторое время, глядя на панораму впереди. Тим ложится на траву всем телом, забрасывает за голову руки, пока я листаю на камере «наши» фотографии.

— Есть что-нибудь? — интересуется Тимур.

Киваю.

— Я поняла, что мне не хватает зума... — делюсь я своими мыслями. — Хочу больше...

— В чем проблема? Купи другой объектив...

— Я бы хотела один для всего.

— Присмотрела?

— Да, — пожимаю плечом. — Крутые из эль-линейки... гибридные...

— Стоят, как почка?

— Почти.

— Есть к чему стремиться.

— Да... Может, накоплю к пенсии...

— Да ла-а-дно, — тянет Тим. — Я думаю, пораньше...

— Может, просто стать порнозвездой? — прикидываю я.

— Как вариант, — отзывается Тимур. — Сиськи у тебя классные...

Я улыбаюсь, глядя на экран, где пытаюсь рассмотреть наши фото. Дисплей отсвечивает, солнце печет нещадно. По спине под футболкой у меня скатилась капля пота, но чешусь я не от этого.

Я все-таки выхватываю из бокового кармана сумки телефон и заглядываю в сообщения от Кирилла. Их там скопилось достаточно, чтобы засорить весь экран пуш-уведомлениями.

Кир сообщает о том, что решил остановиться на втором варианте. Еще он прикладывает фотографию, с которой на меня смотрит моя двадцатилетняя версия, запечатленная в компании Голикова на фоне пурпурного морского заката.

Это наше первое совместное путешествие.

kirill_vibe: «Помнишь?»

Мои воспоминания очень отчетливые, и основное — было очень много секса. Я надеюсь, он не собирается поднимать эту тему, тогда я просто пошлю его к черту.

У меня нет желания окунаться в... это прошлое. Там мои чувства были безбашенными с большой буквы «Б», это... давно не так.

Я: «Было весело».

kirill_vibe: «Повторим?»

Я улыбаюсь раньше, чем это осознаю. Медленно поднимаю вверх уголки губ. Потому что своей топорной наглостью Кирилл все же смог меня развеселить. И я допускаю, что он об этом догадывается.

Я блокирую телефон, оставляя вопрос без ответа.

Как бы то ни было, в голову просочилась картинка — мое тело на пляже, и на эту картинку во мне *огромный* отклик.

Мне нужно сбежать из Москвы?! Подальше... подальше от всего, что портит карму. Обнулиться...

Именно последнее слово царапает меня сильнее всего. Обнулиться...

Я пакую в сумку камеру и встаю, вынуждая и Тимура подняться на ноги. Он в целом не против, потому что мы оба близки к тому, чтобы получить тепловой удар. Кондиционер в машине вызывает у нас синхронный стон удовольствия, но конкретно у меня поездка проходит не очень комфортно.

Через мою голову косяками пролетают мысли.

Видимо, день у меня такой!

И от двух часов на солнце они не слиплись. Наоборот, продолжают царапаться.

Когда мы въезжаем в город, я экономлю Тиму бензин и время, говоря:

— Высади меня у метро...

— Я тебе надоел?

— Нет... — отстегиваю я ремень. — Просто у меня тепловой удар.

— Аналогично... — хмыкает Тимур.

Я прощаюсь с ним и выхожу из машины, через минуту ныряя в метро.

Район, в котором я живу, новый. Он представляет собой сеть одинаковых высоток и полностью закатан в бетон, но рядом находится общественное городское пространство, где есть свой парк и даже беговые дорожки, так что я поселилась здесь обдуманно.

Я добираюсь до дома за пять минут, пятнадцать трачу на то, чтобы зайти в магазин и купить продукты. Я даже пытаюсь их готовить. Вожусь примерно три минуты, в итоге просто оставляю все как есть и подключаю камеру к ноутбуку.

Начать заниматься фотографиями я даже не пытаюсь.

Я не знаю, что именно стало толчком сейчас взять в руки телефон. Может, весь этот день — толчок?! Только этот поступок не импульсивный: у меня нет желания зашвырнуть телефон в мусоропровод, чтобы к нему не прикасаться. Нет желания откатить свои мысли назад или сделать себе трепанацию. Нет желания даже взять паузу, прежде чем смахнуть с экрана блокировку. Возможно, лишь пару секунд. Да, пару секунд я действительно себе беру, но мои движения от этого не стали смазанными.

Это не больно.

И даже мой пульс почти в норме, пока я нажимаю на кноп-

ки, проваливаясь в черный список своего инстаграма (*принадлежит компании Meta, запрещенной на территории РФ*).

Там у меня всего два контакта, и один из них я из черного списка достаю.

И хоть слюна на мгновение застревает в горле, пульс у меня по-прежнему почти ровный!

Профиль загружается мгновенно, являя мне поток информации, который... для меня был скрыт на протяжении... почти трех месяцев...

Глава 6

Я не решаюсь провалиться в сторис, чтобы не оставлять следов, хотя спустя три месяца эта паранойя наверняка лишняя.

Наверняка.

Это прозвучавшее в голове слово заставляет меня по-настоящему сжать зубы. Упрямо, как и двигать ленту, в которой мелькают картинки и видео...

Соцсети Павла Красилова — это наполовину рабочие профили, где в том числе публикуется много профессиональной информации — форумы, рейтинги, встречи... награды.

Я изучаю эту информацию вскользь, выхватывая лишь ту, которая касается лично его.

Его лицо в компании других людей — одетых в галстуки мужчин на фоне баннера с логотипами каких-то спонсоров; голубые джинсы и стоящий на коленях ноутбук с выведенным на экран программным кодом; рабочее место с двумя огромными мониторами, на которых снова разноцветными строчками пестрит код...

Листаю хладнокровно.

Быстро двигая чертову ленту. С прямой спиной. Пока че-

рез открытое на проветривание окно в гробовой тишине моей квартиры слышны звуки города.

Готовая к тому, что в любой момент могу споткнуться. Увидеть что-то, что заставит меня *споткнуться*. Например, подробности его личной жизни, хоть и знаю, что обычно он не делится ими в соцсетях, но чем черт не шутит.

Случись это, мне бы было не больно.

Скорее я даже хочу увидеть это самое «нечто», чтобы человек, который на фотографиях мелькает, стал... еще дальше. Еще дальше, чем успел стать за прошедшие три месяца.

Павел Красилов — человек, обеспечивший моему брату те самые проблемы, из-за которых родители все в долгах. Наниматель Макса, создавший команду программистов, на которую мой брат работал. Собственно, проблемы брату он создал единоличным решением, и все его претензии обоснованы, а у меня к... этому человеку лишь одна претензия — на фотографиях он слишком настоящий.

Высокий брюнет с броскими чертами лица. Крупными. Не идеальный красавчик, но ему идет. Броское в нем все: и его рост, и телосложение, и лицо. В жизни ничуть не меньше, чем на фото, даже больше, ведь в жизни весь этот пазл еще и живой.

Встречи, поездки, работа — у него ничего не стояло на месте.

Теперь я это знаю, мое чертово любопытство удовлетворено.

Я сворачиваю приложение. Закрываю его, остановившись на фотографии иллюминатора самолета месячной давности, и блокирую телефон. Кладу его на стол, и моя ладонь не горит. За прошедшие три месяца я гореть просто... разучилась.

Я начинаю стягивать с себя одежду. Продолжаю двигаться так же стремительно, как и до этой «остановки».

Футболка, шорты...

Оставляю все это на полу и отправляюсь в душ, где включаю воду, поздно вспомнив о том, что мочить волосы в мои планы сегодня не входило.

Вода смывает волосы с лица вместе с макияжем, когда подставляю его под лейку. И я, как топовая блогерша, принимаюсь за скрупулезный уход за собой: волосы, лицо, тело. Полчаса растраченного времени, но за ноутбук я сажусь пахнущая всевозможными косметическими средствами. Ловлю от этого дзен, вместо того чтобы каким-нибудь участком своего сознания зацепить воспоминания о том, как Павел Красилов меня целует или... как он меня трахает.

Глава 7

Аделина

Неделю спустя

Я пробираюсь через густую сеть столиков кафе, задевая бедрами спинки стульев и протискиваясь между ними.

Пообедать на территории одного из крупнейших парков Москвы — такая идея могла прийти в голову только моим родителям, тем более в период отпусков. Даже спустя почти восемь лет жизни в столице их выбор развлечений и мест отдыха очень ограничен — это банально топовые места из любого путеводителя.

Мои родители здесь все еще остаются немного туристами и в целом избегают экспериментов. Они всем довольны, и я не считаю их подход чем-то плохим, просто у меня он в корне другой. И я ни за что в жизни не выбрала бы это место сама.

— Извините... — говорю я, слегка задев женщину, которая присела на корточки перед ребенком прямо у меня на пути.

Я вижу столик, вижу отца, мать и затылок Голикова. Его плечи, одетые в белую тенниску. Когда подхожу ближе, вижу

на его бедрах спортивные шорты того же цвета, на ногах — белые носки и спортивные кроссовки.

Именно Кирилла я осматриваю с головы до пят в первую очередь, это происходит механически, потому что он вытянул перед собой ноги, заняв добрую половину свободного пространства за круглым столом.

Делаю такой же механический вывод: он не переодевался после своего товарищеского матча. Может, только футболку сменил, хотя и это не факт: он слегка растрепанный, помятый, но эта помятость его свежит, а не дешевит, потому что отчетливо «пахнет» спортом.

— Привет... — говорю я всем, и Голиков быстро выпрямляется на своем стуле.

Оборачивается, бросая на меня взгляд. Убирает ноги, позволяя сесть на стул рядом с ним.

Я присутствовала на многих его играх — в основном в последний год спортивной карьеры. Он тогда был на пике, не проиграл ни одного матча, кроме финала чемпионата нашей родной области. Голиков стал вторым, из-за чего не смог получить звание кандидата в мастера спорта, очень из-за этого психовал, но уже принял решение, что тот турнир будет его последним.

Тот теннисный матч и для меня оказался последним, больше я ни одного не посещала и даже по телевизору не смотрела, и я не стала никаким образом менять ситуацию: я присоединяюсь к «мероприятию» сейчас, когда товарище-

ский матч Кирилл уже закончился, а не на трибуне.

Я ничего не обещала, но уверена — для него это проигрыш, а их он не любит, тем не менее с недавних пор я очень-очень-очень долго думаю, прежде чем ответить кому бы то ни было «да», и Голиков тем более не исключение.

Ответный интерес в свой адрес с его стороны я предпочитаю принимать, сосредоточив внимание на родителях.

Перед матерью — бокал вина. Такого за ней я не видела уже давно. В последнее время... напряжение сковало нашу семью по рукам и ногам, стало нормой. Напряжение, состояние тревожности. Просто как семейный психиатрический диагноз!

Сейчас мать выглядит очень расслабленной. По-моему, к алкоголю примешалось еще и яркое солнце, так что мама очень расслаблена, и это... радует.

— Аделина, — говорит она. — Мы заказали пиццу на всех. Или, если не хочешь...

— Все нормально, — сразу останавливаю я. — Я съем пиццу...

— Хорошо. Но здесь и супы хорошие, — указывает она рукой на меню.

— Все нормально... — повторяю я, садясь на стул.

— Вино будешь? — слышу я вопрос Кирилла.

— Нет... — отвечаю ему, кладя сумку на деревянный настил у себя под ногами.

Я наконец-то смотрю прямо на Голикова. Хочу оценить,

как близко к сердцу он принял мое сегодняшнее отсутствие на его игре. Я не переживаю, просто хочу понимать, что происходит.

Уголки губ Кирилла слегка ползут вверх, когда становится очевидным, что я его рассматриваю.

Я отворачиваюсь.

У меня не было цели его задеть своим отсутствием. У меня вообще никаких целей!

— Мы так хорошо сидим, — объявляет мама. — Такой хороший день, и с погодой повезло. Кирилл, ты привез с собой хорошую погоду, на прошлой неделе такая жара стояла, невозможная.

— Да я волшебник...

— Кирилл выиграл, почти всухую, — обращается она уже ко мне.

— Он немного подыграл, — комментирует отец. — Не хотел совсем расстраивать человека.

— ...в такой хорошей форме, — продолжает мать. — А какая техника! Я Вовой горжусь, извини, Кирилл, и за тебя тоже рада, но спортсмена из тебя все же сделал мой муж...

— Я не спорю, — отзывается Голиков. — Я благодарен. Это важный опыт в моей жизни...

— У тебя всегда были амбиции, — говорит папа. — Просто характер... если что-то не получалось — в позу. Упрямый... Но перерос это все. Хотел побеждать — и перерос.

— Ты хороший тренер... — произношу я, с краю присо-

единяясь к этому разговору.

— Лучший, — с ленивым удовольствием произносит Кирилл.

— Я вообще хочу сказать, не портит у тебя время удар. Технику ты всегда схватывал быстро. Я тебя ругал, когда ты руку заворачивал. Заворачивал — и все, что в лоб, что по лбу, а потом я понял: пусть делает, как делает. Сам потом поймет. И ты понял, когда стал очки терять. Сам признал, что это мешает...

— Я сегодня отлично размялся. Давно так не куражился...

— Да, красиво все было. У Геннадия эмоций — как у ребенка. Красиво ты его покуражил...

Моя мама поддерживает слова отца легким смехом.

Во всем этом обеде присутствует... правильность, и я не могу не отметить, что с появлением Голикова родители встряхнулись.

Макс отсутствует уже три недели, это ощутимо и непривычно, ведь мой брат жил с родителями, и вокруг него крутилось очень много их внимания. Не заметить его отсутствие сложно, но на этом фоне... мы как будто сплотились, и это произошло... благодаря Кириллу.

Его присутствие положительно влияет на наш семейный психиатрический диагноз, мне приходится это признать.

Чувство правильности витает в воздухе, и я тоже им дышу, сосредоточенно размешивая в своем чайном стакане са-

хар.

В последний раз Голиков писал мне четыре дня назад, прислал свое фото в новой квартире, а после этого испарился. Судя по всему, давал мне время переварить ситуацию, в любом случае я этой возможностью не воспользовалась.

Я прощаюсь с родителями, когда мы покидаем кафе. Кирилл слегка загораживает мне дорогу, когда отхожу, оставив их в стороне.

Голиков бросает на них взгляд через плечо, потом переводит его на меня.

Вайб проведенного вместе времени все еще силен, день и правда выдался волшебный, но я делаю шаг назад и смотрю на Кирилла исподлобья...

Даю понять, что на этом мы сегодня закончим. Что сегодня садиться в его машину в мои планы не входит. Даже несмотря на то, что я чувствовала себя комфортно. Что чувствую до сих пор.

Кирилл кладет руки в карманы шорт. Возможности вторгнуться в мое личное пространство сейчас у него просто нет, но он и по этому поводу эмоций не выражает. Отрицательных эмоций.

— Передавай привет своим родителям, — говорю я, забрасывая на плечо сумку.

— Можешь считать, что они передали его тебе в ответ, — отвечает Голиков.

Я угукаю, а он продолжает:

— Меня сегодня на тусовку блогерскую пригласили. Одному влом. Пошли со мной?

— У меня другие планы.

— Какие?

Я делаю шаги спиной назад и на его вопрос отвечаю дружелюбным:

— Пока...

Я ухожу, чувствуя взгляд у себя на спине.

Впервые за долгое время у меня *есть* планы на субботу. Планы, включающие общение. Не со своим ноутбуком или Тимуром.

Моя работа *предполагает* общение. Обмен идеями и мыслями. Просто периодическое проветривание мозгов, и я дошла до той точки, когда это стало мне необходимо!

Я приняла приглашение от своих коллег встретиться, они все время собираются в одном и том же месте — в кафе через дорогу от нашего офиса. Большую часть времени мы общаемся удаленно, но они регулярно собираются офлайн, и, к своему стыду, я в таких встречах не принимала участия уже бог знает сколько времени.

Я из-за этого немного медлю, добравшись до места.

Прежде чем подойти к шумному столику, думаю, что в состоянии просто развернуться и уйти, ведь я легко могу не попасть в общее настроение.

И я... *заставляю* себя подойти.

Глава 8

Это была хорошая идея!

Даже несмотря на то, что половина присутствующих — новички, и я вижу их впервые, как и они меня. Мне это даже нравится, ведь отменяет необходимость рассказывать, как у меня дела. Это слишком сложный вопрос, хотя здесь все говорят одновременно, так что я от него застрахована...

За длинным столом такой шум, настоящий дурдом, но это и есть классическая обстановка на подобных встречах. Это и есть то сообщество, в котором я вращаюсь уже больше двух лет, — люди с креативным мышлением, некоторые из них сами еще не знают, насколько креативным.

И я, безусловно, по этой обстановке соскучилась, но, даже оказавшись перед столиком вплотную, обнимаю себя руками и не сразу говорю:

— Всем привет...

— Боже мой! — восклицает моя коллега Яна, чуть поперхнувшись своим коктейлем. — Аделина!

Она выпрыгивает из-за стола, чтобы меня обнять. У нее были накладки со съемным жильем при переезде в Москву, и она жила у меня почти неделю. Яна до сих пор предлагает мне взамен свои почки.

— Привет... — отзываюсь я.

— Ты похудела! Тебе идет...

— Спасибо... — бормочу я.

Я слышу приветствия. Слышу комплименты. Много дружеского внимания, в котором пытаюсь освоиться, занимая свободный стул. И предпочитаю вести себя тихо, тем не менее меня засасывает почти мгновенно.

Моя работа — это то место, где я никогда не чувствовала недостатка внимания. Наоборот, его здесь всегда полно, но я, возможно, слишком много времени провела наедине со своей камерой, раз сейчас хотела бы этого внимания немного меньше.

Ответив на вопрос «где пропадала?», я поворачиваюсь к Яне, которая говорит:

— Я видела твои фотографии. Это очень круто. И вот эти, последние. Которые ты вчера выложила, — намекает она на фотосессию с Тимуром. — Обработка классная. Такое ретро. Твоя?

— Да. Я сейчас изучаю обработку. Пробую разное...

— Как попасть к тебе на фотосессию? Хочу что-нибудь такое же летнее, атмосферное. Я заплачу...

— Нет, ты что... — отвечаю я. — Платить не нужно, я ищу моделей. Пиши, когда будешь готова, договоримся по времени.

— Да? — радуется Яна. — Может, завтра?

— Завтра? — тушуюсь я.

Зачем-то заглядываю в телефон, где у меня на ближайшие

недели забит разве что календарь месячных. Все это — отголоски моей новой привычки всегда говорить «нет» в ответ на любые предложения, и сегодня я отвечаю Яне «да», но с большим учетом того, что она пьет уже третий коктейль, так что с огромной вероятностью о нашей договоренности завтра пожалеет.

Я читаю сообщение от Кирилла, пристроив локоть на спинке стула и опустив на него подбородок. Заглядываю в телефон, который держу в руке, потому что на столе из-за посуды и приборов места почти нет.

kirill_vibe: *«Давай просто встретимся. Просто время вместе проведем. Ты место какое-нибудь классное знаешь сто процентов».*

Меня успело расслабить, в том числе из-за усталости, но Голиков умудряется усложнить мне вечер, ведь я не в состоянии сочинять для него ответ прямо сейчас. Даже если я трижды отвечу «нет», его это не остановит! В его сознании я — его собственность.

Так было всегда, даже после нашего последнего расставания. Это злило меня тогда. Злило прежде всего потому, что так считал не только он, самое главное — так считала и я сама!

Я убираю телефон в сумку и делаю это зло.

На территории веранды уже зажгли освещение, но на улице еще не совсем стемнело, тем не менее воздух стал немного прохладным. Это крошечный дискомфорт в сравнении с

тем, который возник из-за Голикова.

На мне майка без рукавов, я все же решаю выпить коктейль, чтобы немного согреться.

Мы расходимся, когда начинает темнеть. Я отказываюсь от предложения отправиться в бар, общения мне хватило выше крыши. Всю дорогу до дома я «прислушиваюсь» к своей сумке, слегка закипая от перспективы получить от Кирилла еще сообщения, но он больше ничего не пишет. Как это долго, я не хочу гадать.

Утром меня больше интересует сообщение от Яны. Она не берет свое предложение назад, наоборот, пишет мне почти в восемь утра.

У нее есть машина, поэтому выбор локации становится широким.

На эту фотосессию я беру с собой пакет конфетти. Яна в восторге от идеи заочно, даже не спросив, как я собираюсь его использовать. У меня самой идей несколько, и я изучаю аналоги в интернете, пока мы приближаемся к центру города.

— Только на заправку заеду, — говорит Яна, нажимая пальцами на поворотник.

На колонках очередь, я решаю зайти в маркет, взять себе кофе. Пока его пробивают, телефон звякает уведомлением, и я до последнего тяну с тем, чтобы посмотреть.

От одного глотка кофе мои немного сонные мысли не успели встать на место полностью, но мне хватает внимания,

чтобы понять — это не от Голикова. По крайней мере, это понятно чисто визуально.

Я слегка притормаживаю на выходе из маркета, читая на экране:

«Приятно видеть, что меня достали из бана».

Глава 9

Когда понимаю, кто это пишет, мои ладони становятся такими мокрыми, что, боюсь, из них выскользнет телефон.

Я прирастаю к полу, загородив проход. Пытаюсь вдохнуть, но воздух до легких не доходит, застревает в горле!

А потом у меня начинает колотиться сердце, словно его омыло кровью и внутри, и снаружи.

Причина — я никогда не думала, что еще когда-нибудь получу от этого профиля сообщение, и мой пульс просто взрывается!

Потоком воздуха из разъехавшихся в сторону дверей отбрасывает назад мои волосы. Вошедший в минимаркет мужчина пытается меня обойти, я шарахаюсь в сторону и выхожу на улицу. Два шага от двери, и мое удушье превращается в набежавшую на глаза пелену. Мгновенно! Без возможности это остановить.

Твою мать...

Что ЕМУ нужно?!

Я бросаю кофе в урну.

Смаргивая эмоции, пытаюсь прикинуть, когда в последний раз обновлялась моя страница. Помимо позавчерашней

публикации — недели две назад. У нас есть один общий друг — это Тимур, но он не публиковал наши совместные фото уже миллион лет. Сейчас его контент в основном посвящен его проектам, их у него много.

Возвращать Павла Красилова в блок я не видела смысла, ведь мы больше друг на друга не подписаны!

Я смотрю на экран, на сообщение, а потом на подошедшую ко мне Яну, и ее я вижу через вату. С первого раза не понимаю, о чем она говорит, просто наблюдаю за тем, как шевелятся ее губы. Для меня они двигаются беззвучно. Я, кажется, мечтала обнулиться?! Это произошло. В голове так пусто не было даже во сне!

— Едем? — спрашивает Яна чуть удивленно.

Мне сложно ответить сразу, ведь на глазах все еще пелена. Я прячу ее, тряхнув головой и натянув на лицо улыбку. Выдыхаю, этот выдох похож на замороженный смешок, которым пытаюсь все сгладить.

— Прости, — делаю я виноватую гримасу. — У меня... проблема. Мне нужно вернуться...

— Куда? Домой?

— Да... Извини, я не ожидала. Нужно вернуться, — говорю я со стыдом. — Давай на другой день перенесем. Не обижайся, ладно? У меня форс-мажор...

Мне в самом деле стыдно, мы накрутили уже не меньше тридцати километров по городу, но сейчас в объектив я не увижу даже летящий в меня кирпич!

— Ладно... — отзывается Яна без великого удовольствия, и я ее понимаю. — Тебя вернуть домой?

— Нет... — Я кладу руку ей на плечо. — Нет, не надо. Я сама. Вызову такси. Напиши мне на неделе, окей?

Она, наверное, кивает, но я сбегая не глядя. Просто заканчиваю наш разговор тем, что иду к машине, чтобы забрать оттуда свою сумку. Я оставила ее на сиденье. Когда Яна подходит к машине, я уже захлопываю дверь и направляюсь к маркету, даже не сказав «пока».

Я снова получаю по лицу воздухом, заходя в двери, и двигаюсь к столикам кафе, выбрав себе самый дальний.

Мой собеседник не в Сети, а наша переписка состоит из одной-единственной строчки. Одного-единственного сообщения. Потому что три месяца назад я нашу переписку вычистила. Я ее стерла. Все, что он когда-либо писал мне или что я писала ему. Я ее снесла.

Палец набирает ответ, пока я сажусь за стол и опускаю на маленький кожаный диван сумку.

Я: *Ты переживал по этому поводу?*

Охотник появляется в Сети через секунду, но ответ я получаю через десять.

baghunter: *Да. Я не часто залетаю к кому-то в черный список.*

Я: *Уверен?*

baghunter: *Был, до этого вопроса.*

В нашу последнюю встречу он назвал меня челове-

ком-фейком.

Я и сама для этого постаралась, но меня ничего в жизни так не задевало.

Наверное, я не успела заметить, когда его мнение стало для меня таким важным. Когда мои чувства к нему стали сильнее меня! Сильнее гордости и логики. Сильнее всего, даже моей заботы о предохранении!

Я больше не фейк.

Мой профиль превратился в тематическое болото. Я больше не публикую себя, ни в образе тупой блондинки, никак, только свои работы, и те без какой-либо стратегии. В качестве поиска себя, процесс которого интересен единицам. Вот такой чертов аскетизм, в котором мне комфортно.

И я не стала бы сейчас искать с Багхантером темы для разговоров, как делала всегда. С первой встречи по той же причине. Даже если бы от этого зависела моя жизнь, не стала бы. Это осталось в прошлом. Там же, где осталась... прежняя я, поэтому в ответ на его последнее сообщение я молчу.

Я по-прежнему не знаю, зачем он пишет. По-прежнему глотаю слюну через сжавший горло кулак, глядя на телефон.

Он в Сети и продолжает в ней оставаться, как и я. Три минуты, после которых я получаю сообщение.

baghunter: *У тебя новое хобби? Красивые фото.*

Я: *Спасибо.*

baghunter: *Когда ждать персональную выставку?*

Я: *До этого далеко.*

baghunter: *Уверена?*

Я: *Да. Это просто хобби.*

baghunter: *Я поддержу тебя лайком.*

Я: *Не стесняйся.*

Он отмечает мое сообщение поднятым вверх пальцем, а потом в мои уведомления начинают сыпаться лайки.

Поток отметок «мне нравится», и, когда он заканчивается, наша переписка молчит. После того, как это молчание переваливает за минуту, Охотник перестает светиться зеленым.

Он уходит, и я могу собой гордиться, ведь от случившегося со мной армагеддона осталась только горящая на щеках краска. Она и понимание, что, глядя на эту переписку, я узнаю человека на том конце провода в каждой чертовой букве и в каждом знаке препинания.

Глава 10

Аделина

Держаться подальше от страницы Охотника — это то, чему я очень хорошо научилась, с этим нет проблем даже сейчас, когда он по моей просто промаршировал.

Эта переписка не только разделила мой день на до и после, но еще и мысли вывернула наизнанку, потому что вопрос «что это было?» становится у меня в меню основным. Только теперь в моей голове так много предохранителей, что она, несмотря ни на что, мгновенно охлаждается сама.

Даже если я не в состоянии взять в руки ничего тяжелее воздуха, иначе я это уроню, забуду, для чего взяла или где оставила.

Я не могу не думать, но горит у меня не голова. Горит внутри. Не пожар, а фитиль, который вызывает изжогу. Я мечусь, не зная, чем это горение потушить, и просто рада, что у всех этих метаний нет свидетелей.

Даже если бы в дверь позвонили, я бы не открыла. Это одна из моих новых привычек — брать себе столько личного пространства, сколько потребуется. Она, пожалуй, теперь самая любимая на всю жизнь.

Я ничего не жду! Ничего. Мои попытки проанализировать

ситуацию ничем существенным не закончились, но Охотник и этот процесс обнуляет, потому что пишет следующим же утром!

Теперь у меня в голове не шумит, а стучит, потому что наши скорости явно не совпадают. Наверное, мне не хватает айкью, чтобы за его скоростью поспевать! Я все еще в своем сумбурном анализе, тогда как Багхантер все мои старания обнуляет!

baghunter: *У меня есть лишний билет. Тебе должно быть интересно.*

Он прикладывает ссылку на выставку в галерее, которая сильно на слуху в последние несколько лет. Ее пространство даже на фотографиях выглядит высококлассно, и оно приглашает познакомиться с работами современных фотографов.

Это красиво. Так атмосферно, что ответ очевиден, но не для меня сейчас.

Меня впервые раздражает, что имя отправителя светится зеленым. Что он не уходит, словно наблюдая за тем, как много времени мне нужно, чтобы найти для него ответ.

Все время, пока Павел был силуэтом за мутным стеклом, общение с ним представлялось мне убийственным мероприятием, но все оказалось не так страшно. Общаться с ним не больно, не трудно. Это просто опасно для здоровья, ведь кровь по венам у меня носится с огромной скоростью.

Я: *Спасибо. Я его возьму.*

baghunter: *Напиши свою почту, отправлю тикет.*

Я: *И сколько у тебя билетов?*

baghunter: *У меня их два)*

Он ставит скобку в конце предложения, помечая его улыбкой.

Я лишь секунду думаю, прежде чем спросить:

Я: *Собираешься пойти?*

baghunter: *Да.*

Мне этого достаточно, чтобы свернуть нашу переписку. Лишь для того, чтобы перестать видеть его окрашенный зеленым никнейм!

Я просто отправляюсь делать то, что собиралась, — сушить волосы и выбрать одежду, чтобы отправиться позавтракать в кафе у дома. Единственное, что я так и не научилась делать, — это завтраки, которые мне бы хотелось съесть, поэтому я предпочитаю пользоваться услугами профессионалов. Но я ни на секунду не забываю, что Багхантер ждет.

Ждет, пока отправлю ему адрес своей почты.

Его ожидание безмолвное, и на это есть очевидная причина — он предложил встретиться! Назвать это свиданием у меня уж точно не повернется язык, а подходящее слово я искать не хочу. Но мой день успел разогнаться за секунду, чтобы успевать хоть о чем-то думать.

Я отправляю адрес еще до того, как мне приносят мой завтрак. Обещанный билет падает на почту через пару минут, и я проваливаюсь в него, чтобы изучить детали.

Это через два дня.

Проход лимитирован по времени, это для последней очереди посетителей — с половины пятого до закрытия, но очевидно, что, если у тебя есть желание ознакомиться с экспозицией в нормальном режиме, а не галопом, лучше прийти вовремя.

Если мы вообще думаем об одном и том же.

Я бы не стала уточнять.

Тем более наше молчание становится обоюдным.

При том разгоне, который набрала, я успеваю еще раз встретиться с Яной уже в понедельник.

В качестве компенсации за потраченное в прошлый раз время и бензин обещаю прислать все завтра вечером. У меня есть и задание для себя — спустаться в спортзал на цокольном этаже моего дома хотя бы два раза в неделю.

Для меня спорт — один из способов контролировать аппетит, ведь после него я всегда дико голодная.

Я пропускаю тренировку. Качать мышцы, когда полностью отсутствует синхронизация между головой и телом, — пустая трата времени. Зато я укладываю волосы. Так скрупулезно, что они выглядят даже слишком идеально.

В том числе и поэтому я вызываю себе такси вместо прогулки на метро, хотя мне нужна всего одна пересадка и три остановки.

Я мало о чем думаю, пока машина везет меня по городу.

Все благодаря моим предохранителям!

Я только чувствую, что воздух слишком кусается, когда выхожу из такси. И уличный, и тот, с которым соприкасаюсь, когда проскальзываю в дверь галереи...

Здесь даже немного прохладно. До легких мурашек.

Я предпочитаю не осматриваться по сторонам.

У меня под ногами — пол в черно-белую клетку.

Прижав джинсовую куртку к груди скрещенными руками, я иду прямо к турникету, где светят мой билет и объясняют: — По лестнице на второй этаж.

Там, разумеется, почти никого.

Пространство слишком большое, чтобы толкаться плечами. Полы — холодного цвета глянec, в нем отражается потолок. Я кручусь вокруг оси первым делом, как попадаю внутрь, но низкие потолки глушат звуки моих шагов, плюс мои балетки бесшумные.

Мне нравится.

Направление я выбираю наобум, прохожу в коридор с синим освещением, где на ЖК-дисплеях представлены фотографии ледников.

Я их рассматриваю, продолжая сжимать куртку и ощущать сквозняк, который пробирается под лежащие на плечах волосы.

Спешить это место не позволяет, только взирать, неторопливо и бесшумно. И я этот месседж принимаю. Мне нравится. Нравится процесс. Нравится видеть, когда я смотрю на

все как человек, работающий с кадром. Это другие ощущения.

Атмосферно...

Через плечо смотрю на подсвеченную белым лестницу, но выбираю другой коридор — красный. Там черно-белые фото. Маленькие рамки, много деталей, чтобы задержаться почти на пятнадцать минут.

Я возвращаюсь обратно, потому что слышу приближающиеся голоса, а я предпочитаю тишину.

На этот раз я выбираю лестницу.

Она похожа на тоннель, почти как вход в другой мир, но по факту — в зал со скульптурами. Самый большой, с естественным белым освещением, к которому секунду я привыкаю. И для меня почти не удивительно, что в центре зала я вижу высокую подтянутую мужскую фигуру в джинсах и свободной клетчатой рубашке...

Глава 11

Все ощущения, которые я успела поймать, находясь в этом месте, за секунду сметает одно-единственное новое — возникший в животе узел, и остановить эту реакцию не в состоянии ни один предохранитель!

Я смотрю на Охотника, на его затылок. На то, как, засунув руки в карманы джинсов, он изучает экспонат перед собой, но, кажется, не настолько внимательно, чтобы его запомнить.

Уже через секунду Павел поворачивает голову, бросая взгляд на зал, и наши глаза встречаются...

Я остаюсь стоять там, где стою, в том числе потому, что на секунду застряла.

Багхантер разворачивается на месте, не разрывая этот наш зрительный контакт.

Он слишком далеко, чтобы можно было разобрать цвет его глаз, но достаточно близко, чтобы у меня на руках зашевелились волосы. Чтобы проснулась разного рода память — прежде всего память моих рецепторов. Обоняния, осязания, вкуса. Чтобы проснулись мои гормоны.

Я тру предплечье ладонью и слышу треск электричества! Охотник достает из карманов руки и идет ко мне своей естественной походкой — свободной и твердой.

Теперь я вижу все детали до единой, включая темно-ка-

рий цвет его глаз и то, как исподлобья Паша изучает меня саму: прежде, чем скатиться взглядом до уровня моих колен, — лицо. На мне сарафан на бретельках. Он короткий, чуть выше колена.

Сейчас мне есть чем удивлять знакомых — у меня минус один размер одежды, поэтому я реагирую остро. На каждое «прикосновение» его глаз; на то, что его взгляд до невозможности живой, а губы слегка приоткрыты.

На моей радужке жжение, когда Охотник наконец-то смотрит мне в глаза с расстояния вытянутой руки.

Наш контакт превращается в еще одну паузу, и никто не произносит банальное «привет». Мой язык вообще прилип к нёбу, ведь я не знала, что сказать, еще тогда, после нашей последней встречи.

Паша коротко смотрит на зал, повернув голову. Чуть хрипло делится своим мнением:

— По-моему, неплохо.

Это не первая наша совместная выставка, нам есть с чем сравнивать, и мы, разумеется, «говорим об одном и том же».

Я его копирую — смотрю в сторону. Набираю в легкие воздуха, чтобы сказать:

— Да. По-моему, тоже. Планируешь шопинг?

— Не до такой степени, — отзывается Багхантер.

Теперь я делаю шаг в сторону, и ритм моего сердца не позволяет двигаться медленно. Он неровный, неправильный, кривой. Мне кажется, что я слишком громко дышу, ведь я

слышу дыхание Охотника рядом, а у меня оно вряд ли будет тише.

Я исподлобья смотрю на экспонат, перед которым стою.

— У тебя крутая диета, — замечает Павел.

— Нравится результат?

— Я боюсь дать неправильный ответ. Лучше скажи, что хочешь услышать.

— Боже... все так плохо? — выпаливаю я, посмотрев на него.

— Нет, — говорит он. — Не хочу нарваться на мину. Если скажу, что все очень круто, можно подумать, что раньше было хуже.

— Именно так и будет, — заверяю я.

— Ты в любом случае красивая, — отвечает он на мое заверение.

Я прохожу дальше, сплошняком изучая экспозицию. От скульптуры к скульптуре, в то время как Паша остается стоять на месте. Он просто наблюдает за мной оттуда, делая по паре шагов то в одну, то в другую сторону. Смотрит то на меня, то себе под ноги.

Я никогда не была рядом с ним даже мало-мальски шипастой, а сейчас это не так. Может, поэтому он нейтрально спрашивает, когда я возвращаюсь:

— Хочешь внизу прогуляться?

— Да.

Там осталась еще пара коридоров, в которые я не захожи-

ла.

Свои потребности Паша никак не обозначает, мы полови-
ну пути проделываем молча, но чем дольше это молчание
длится, тем сильнее ощущается, а не наоборот.

Просто ходить и молчать — с ним это сложно, ведь эта
тишина скрипит, особенно потому, что мы оба не торопимся
уйти. И потому, что я чувствую, как время от времени при-
пекает затылок обращенным на меня взглядом.

Когда выходим на улицу, там уже темно, и, наверное,
впервые за полчаса мы друг к другу лицом. Я надеваю курт-
ку, а Багхантер качается на пятках, снова пристроив в кар-
маны руки. И когда я отхожу на полушаг в сторону, он делает
такой же следом...

— Как насчет где-нибудь присесть? — спрашивает Паша.

Я осматриваюсь вокруг, просто чтобы глаза привыкли к
сумеркам. Ну или потому, что хочу немного задержать от-
вет. Не из-за того, что мне шипы жмут, а из-за перспективы,
которая открывается.

Теперь звук его дыхания перебивают посторонние шумы
города. И мой ответ они слегка глушат, но Багхантер его слы-
шит, ведь после моего «давай» припаркованная на той сторо-
не узкой старой улицы машина пищит сигнализацией и шел-
кает поднятыми вверх замками.

Глава 12

Он выбирает место сам — и делает это быстро. Если чего-то и нет в нашем общении сейчас, это самого общения, только действия: хлопки дверей, щелчки ремней безопасности, звук мотора, голос из навигатора, который велит Паше развернуться, и даже это Охотник делает торопливо.

К звукам добавляется приглушенный рев мотора, и в течение всей поездки я просто любуюсь городом в окно. Сиденье подо мной слегка печется, ведь я вспоминаю, почему Багхантер вообще попал в черный список...

Мной руководит не эта мысль, слишком много отвлекающих факторов!

Прежде всего, в данную минуту я способна лишь на одно состояние — быть здесь и сейчас, к любым посторонним мыслям у меня стойкий синдром дефицита внимания.

«Присесть» Паша предлагает в месте, которое выбрал по ощущениям, потому что машину можно припарковать прямо напротив, без необходимости делать лишние телодвижения.

Это сетевой семейный ресторан, наполовину пустой.

Скатерти в клеточку и желтый свет, который дает отлич-

ную видимость.

Мы занимаем столик, и Паша кладет на него сцепленные в замок руки.

Семейное торжество в другом конце зала нам не мешает. Я слышу Багхантера отлично, когда он скрипит своим стулом, двигаясь ближе к столу.

— Ресторан сегодня работает до девяти, — быстро доводит до нашего сведения официант. — Кухня закрывается через пятнадцать минут. Приносим извинения...

Он уходит, оставив нам меню.

— Мы это переживем? — спрашивает Паша.

— Я точно переживу, — отзываюсь я.

Паша меняет позу. Садится удобнее, откинувшись на спинку, и смотрит на меня.

— Как успехи с работой? — спрашивает он.

— Поздравлять особо не с чем.

— Что так?

— Был творческий кризис.

— А сейчас как дела?

Взгляд, которым он собирает у меня ответы, душит слова «все нормально» в горле. У меня не выходит произнести этот стандартный ответ сейчас, просто не выходит.

— У меня отпуск... — отвечаю я.

— Собираешься куда-то поехать?

Я слегка улыбаюсь и отвечаю:

— Нет.

Я не хочу, чтобы Багхантер спрашивал почему, ведь врать не стану, но он спрашивает, снова скрипнув стулом:

— Почему?

— Не то настроение, — говорю я. — Семейные проблемы.

Да, черт возьми. У меня не то настроение, чтобы отправляться в путешествие, потому что моя семья находится на пороге грандиозной задницы. И я не хочу об этом говорить. Говорить о Максе. Не потому, что я легкомысленная дура, а потому, что здесь и сейчас хочу оставить своего брата за дверью!

— Я поэтому попал в ЧС? — спрашивает Паша.

Мое сердце уже набирает обороты, но его удары глухие. Не отвлекают, а толкают вперед.

— Я не хотела, чтобы ты думал, будто мне что-то от тебя нужно, — проговариваю я.

Багхантер это не опровергает, просто коротко спрашивает:

— И что произошло потом?

— Ничего. Ничего не произошло, — отрезаю я. — У меня было хорошее настроение, и я объявила амнистию своему ЧС.

— То есть нас там было много? — интересуется он.

Я дергаю плечом, пожимаю им.

— Я злая блондинка, — сообщаю ему.

— Да. Я заметил, — констатирует Охотник, словно делится последними наблюдениями.

— Теперь ты знаешь, какая я настоящая.

В его зрачках блики от лампочек. И я смотрю прямо в эти точки, пока Паша глядит на меня из-под густых темных бровей, произнося:

— Рад познакомиться.

— Может, не стоит? — показываю я улыбку. — Будет трудно.

Я даже рада, что официант про нас забыл. Мне ничего не нужно. Я сыта под завязку своими эмоциями! Из меня будто вышла часть воздуха, и вместе с этим слегка загорелись кончики ушей.

Паша резко подается вперед. Меня это почти не удивляет, ведь такая резкость соответствует той дробе, которую все это время Багхантер выбивал по столу пальцами.

Он расправляет плечи и спрашивает:

— Какое твое любимое место в Москве?

— С какой целью интересуешься? — чуть выгибаю я брови.

— Предлагаю туда поехать, — говорит Паша. — Здесь мы явно мимо.

— Мы из моего любимого места, кажется, недавно ушли, — имею я в виду посещенную нами галерею.

— Так понравилось?

— Я точно туда вернусь.

И, скорее всего, в ближайшее время. Возможно одна, возможно с Тимуром. Я в любом случае хочу, чтобы он это уви-

дел. И в любом случае посетую новую экспозицию. Одна или нет. Да. Мне безусловно понравилось.

Он секунду молчит, прежде чем предложить:

— Давай поедem еще куда-нибудь.

В ответ я наконец-то отвожу взгляд от его лица. Тоже выпрямляюсь на стуле, говоря:

— Мне нужно обработать фотографии к завтрашнему дню. Я обещала. Я поеду домой.

Он встречает мои слова долгим выдохом. Таким, который я слышу. Статичной позой — ведь Паша не двигается, и я из-за этого тоже. Он не двигается так долго, что можно открывать счет этих секунд, и, цепляя его лицо взглядом, я вижу, как своим он блуждает по мне.

В конечном итоге Багхантер встает и ждет, пока на ноги поднимусь я. На улице он слегка опережает меня, сделав шаги широкими. Как результат — открывает мне дверь своей машины.

Эта дорога — по-настоящему шипучая! Ощущения наваливаются, как отложенное действие, и я в ощущениях с головы до ног! Именно поэтому я спешу покинуть машину, как только она тормозит, — хочу тайм-аут.

Глава 13

Аделина

Я оцениваю свою активность даже не по объему проделанной работы, а по тому, как затекло тело, когда я встаю из-за ноутбука.

Я провела за ним в общей сложности шесть часов, с учетом вчерашних трех. И дело не в том, что у моего синдрома отличницы время от времени происходят рецидивы, просто у меня случился колоссальный выброс энергии.

Я публикую скопившийся за последние недели материал — фотографии Яны и заодно фотографии Тимура, до которых наконец-то тоже дошли руки.

Боже, я чувствую себя деревянной! И мне вполне хватило бы батареек на то, чтобы продолжить, но у меня появилась одна полезная, стойкая, жизненно необходимая привычка — отдыхать от экрана.

Она распространилась и въелась в мой образ жизни. Отличная привычка, которая сейчас заставляет отправиться в душ.

Я слишком мало спала, горячая вода «подсвечивает» эту проблему особенно хорошо — я становлюсь немного ватной,

когда выбираюсь из душа. Чтобы это состояние побороть, не мешало бы спуститься за кофе, но мои волосы мокрые, так что приходится сначала их высушить.

Я знаю, где находится мой телефон, хоть к нему и не прикасаюсь. И тайм-аут очень пошел мне на пользу — теперь я в состоянии придержать занавес, чтобы он не падал на глаза, когда Охотник опять появляется. И в состоянии обойтись без короткого замыкания в голове, без коллапса!

Багхантер осыпает мои публикации лайками.

Я ловлю их вместе с его сообщением.

baghunter: *Хорошо поработала?*

Теперь я в состоянии даже поймать его скорость, ведь я уже не реагирую на то, что, как и день назад, он не оставляет времени на раскачку: на часах — девять утра.

Я: *Да. Очень продуктивно.*

Он присылает мне подарок.

Нажав на коробку, я получаю медаль.

baghunter: *Забыл упомянуть, я рад, что теперь ты не против моего существования.*

Я: *Я не посягала на твое существование.*

baghunter: *Я все равно расстроился.*

Ему все же удастся толкнуть мой пульс. Я каждую букву печатаю с задержкой, прежде чем составить свой вопрос.

Я: *Сильно?)*

Я добавляю скобку, чтобы убрать из контекста любое сочувствие.

Он набирает ответ в течение пяти секунд.

baghunter: *Сильнее, чем ты думаешь.*

Я бросаю на стул полотенце.

Повинуясь своим новым принципам, ничего не отвечаю, но его слов достаточно, чтобы мне стать ужаленной. Они стискивают меня кольцом.

Я начинаю расчесывать волосы и игнорирую поступившее спустя минуту сообщение. Проваливаюсь в него, только когда становятся свободными руки.

baghunter: *Что нужно, чтобы попасть к тебе на фотосессию?*

Я: *Пройти собеседование.*

baghunter: *Я готов)*

Я: *Запись пока закрыта.*

baghunter: *Обидно.*

Он переваривает свою «обиду» очень быстро. Всего лишь пять минут, ни больше ни меньше. Пяти минут ему хватило и на то, чтобы расчистить в моей голове огромное для себя пространство, ведь я, хоть и без коллапса, жду сообщение!

Жду, кружа вокруг телефона не физически, а мысленно.

Я ощущаю Охотника слишком близко, пусть это просто буквы на экране. Он не дает этому ощущению развеяться, ведь я снова начинаю день с *ним*. Снова в его компании.

Мой день опять летит к чертям, потому что я читаю на экране:

baghunter: *Выпьем кофе?*

baghunter: *Вместе.*

baghunter: *Выбери место.*

У меня нет заготовленного ответа. Никакого заготовленного ответа. У меня ведь не было времени на раздумья. Ни этой ночью, ни этим утром. Это и был мой тайм-аут! Я просто прогнала его из своей головы на несколько жалких часов, как нависшее надо мной бедствие. Но любая перспектива снова увидеть Павла Красилова... это причина горячего холода у меня в животе. Холодного жара под кожей. Всегда чертов холодок, потому что я помню... как было плохо тогда, три месяца назад...

Я так сильно влюбилась...

Забыть Голикова оказалось не так сложно. Теперь, когда мне есть с чем сравнивать, я могу официально это заявить! Чтобы забыть Кирилла, мне достаточно было этого наконец-то захотеть, а чтобы забыть Багхантера, просто захотеть оказалось недостаточно!

Мне пришлось вывернуть себя наизнанку...

Я глотаю слюну, кажется, чтобы убедиться — в моем горле свободно! Я могу дышать, могу...

Вокруг его предложения я делаю лишь три мысленных круга, и они далеко не вдумчивые. Они заполошные, ведь мне по-прежнему холодно и жарко...

Я отправляю Багхантеру координаты точки на карте и время.

Он, разумеется, не задает мне уточняющих вопросов, ко-

гда видит характерный набор цифр. Берет себе минуту — наверное, пробивает их через поисковик, чтобы понять ситуацию, а после «подтверждается» — отмечает мое сообщение поднятым вверх пальцем.

Глава 14

Он опаздывает на десять минут, но для меня это даже не мелочь, вообще ничто. У него аврал всегда, и ночью тоже. Тем более здесь наверняка не так просто припарковаться, да еще и время — шесть вечера.

Я в любом случае этих пяти минут не чувствую, время я проверила просто по инерции. Тем более Багхантер... спешит.

Он пересекает маленький сквер широким шагом, заставляя меня своим появлением встать со скамейки. На нем футболка, легкие спортивные шорты и черная, надвинутая на глаза бейсболка, из-за чего я вижу только нижнюю часть его лица.

Я верчусь, забирая со скамейки сумку и заодно отряхивая на всякий случай собственные шорты. Это не спасает от обострения рецепторов, когда Охотник оказывается рядом. Вместе с отчетливым звуком своих шагов и своего дыхания. Со всей своей физической активностью, которая будит вокруг меня воздух, шевелит его, задевает меня энергией.

Паша быстро смотрит влево и вправо, остановившись на расстоянии в полшага. Он дышит громко, да. И он продол-

жает двигаться резко, когда кладет на бедра руки и говорит:
— Навигатор затупил. Я немного заблудился.

Я наконец-то смотрю ему в лицо. Вижу, как глядит на меня *ониз*-под козырька бейсболки — с будоражащим вниманием. Я этого избегаю. У меня получается! Мы прямо у небольшого памятника, я указываю рукой на дорожку, быстро говоря:

— Хочу пройтись, изучить место. Может... приеду сюда с камерой.

Паша снова смотрит по сторонам, но я схожу с места, особо не оставляя ему времени отдышаться.

Его шаги рядом — кроссовки топчут гравий. Он принес с собой много шума, в том числе его телефон звонит, но Багхантер быстро убирает звук. По собственной инициативе.

— Я была здесь пару лет назад, — продолжаю я на ходу.
— Тут был хороший свет, мне запомнилось. И еще вот это дерево... — указываю в сторону рукой.

Багхантер занят тем, что пытается подстроиться под мой шаг, ведь я двигаюсь беспорядочно — то быстро, то медленно. Тем не менее он за моей спиной замечает:

— Я здесь в первый раз.

— Я сама случайно сюда попала. Искала метро...

Остановившись посреди дорожки, я изучаю обстановку и разворачиваюсь к Паше лицом. Он трет бровь.

— И? — спрашивает Охотник. — Как впечатления?

— Мне нравится.

Наверное, только сейчас я смотрю на него по-настоящему с тех пор, как он появился. Дело не в дневном свете, не в том, что вижу на его лице каждую родинку и золотые вкрапления на карей радужке. Я просто позволяю себе смотреть и взглядом... касаться!

Его взгляд так густеет, словно он это понял.

Мой пульс на это реагирует колыханиями. Я срываюсь с места и останавливаюсь метров через двадцать. На этой дистанции успеваю сделать вид, будто меня интересует все: освещение, расстояния, качество дорожки и количество собственных шагов. Я говорю, развернувшись на месте:

— Мне предложили пофотографировать свадьбу. Маленькую, на пятнадцать человек.

— Согласилась?

— Нет...

Паша издает смешок, останавливаясь напротив.

— Мне теперь не так обидно, — говорит он.

Естественно, я не собираюсь его жалеть. Я пропускаю его замечание мимо ушей, поясняя:

— Это энергозатратно. Даже если свадьба маленькая, нужно... держать контакт с людьми, искать к каждому подход...

— Да, наверное.

Мы проходим вокруг центральной клумбы, изучаем еще одну дорожку, по ней же возвращаемся назад, после чего двигаемся к выходу из сквера, потому что больше здесь ид-

ти некуда. Он действительно маленький, и я указываю подбородком себе за спину, говоря:

— Там вход в метро.

Я не реагирую на то, насколько близко он стоит. Багхантер продолжает держать руки на бедрах, слегка расставив ноги. И оценивает то, что я остаюсь на месте, не спеша отправиться в указанном направлении. Оценивает прыжками своего взгляда: мне за спину, мне в лицо, мне под ноги.

— Отличная прогулка, — говорит Паша. — Я бы продолжил.

— Ты бесстрашный, — напоминаю я о том, что мое новое кредо — кусаться.

Он снова издает смешок, но эта веселость короткая.

— Я стрессоустойчивый, — сообщает Багхантер.

Мое молчание заставляет его стать еще серьезнее. Еще серьезнее он произносит:

— Продолжим? Я могу предложить еще одну прогулку, только подлиннее раз в пять. Что скажешь?

Я обтираю ладони о задние карманы своих шорт. Шум от шоссе, которое находится прямо за кустами, ездит мне по ушам, но даже сквозь него голос Охотника эхом меня щекочет, а мой собственный голос... колышется, как и мой пульс, когда задаю свой вопрос:

— Ты проводил время... с моей подругой? Альбиной.

К моим щекам поднимается краска еще до того, как я успеваю договорить. Особенно когда Паша слегка откидыва-

ет голову и спрашивает:

— Это вопрос?

Нет!

— Да, — отвечаю я.

Багхантер молчит, а я гляжу на него исподлобья. Он смотрит так же, но стоит слишком близко, чтобы я хоть на секунду могла потерять его лицо под козырьком бейсболки. Его молчание натягивает воздух между нами как струну, а потом Паша ее рвет, говоря:

— Я проспорил ей свою игровую приставку. Спорили на исход футбольного матча, когда смотрели трансляцию в «Даче», — называет он спортбар, где собираются его друзья. — Я встретился с ней через пару дней, чтобы передать консоль. Мы вместе пообедали. Я подобросил ее до дома.

Если до этого я чувствовала себя дерьмово, то теперь смело можно умножать на три! Этому способствует и выражение его лица — он, наверное, впервые за эту прогулку на секунду отводит глаза!

— Может, ты еще и в гости зашел? — выпаливаю я.

— Отказался, — произносит Багхантер.

Фактически это вообще не мое дело, чем он занимался после того, как мы виделись в последний раз. Это ведь я... искала встречи! Но теперь я знаю, что он получил приглашение и, возможно, думал над ним долго.

Мне кажется, что краски на моем лице уже через край, поэтому хочу отойти подальше, но Паша быстро сжимает паль-

цами мой локоть, останавливая. Я смотрю на него, расплескивая эмоции.

— У меня не было на нее никаких планов, — говорит он убедительно.

— Я об этом и не спрашивала!

— Я ответил на всякий случай. А я могу задать вопрос?

— Конечно.

— Зачем девушка врет про свой возраст? — жалит он меня.

— Потому что считает парней одноклеточными, — бросаю я. — Они ведутся на красивую картинку. Знаешь, как это бывает? — спрашиваю с издевкой.

— Да, мы тупые, — соглашается он. — Не можем отличить хуй от пальца. Не могу понять ни хрена. Поэтому еще раз спрошу: хочешь продолжить?

— Я тоже не понимаю! О чем ты? О прогулке?!

— Нет, не о прогулке, — проговаривает Багхантер. — Я про нас с тобой. Ты хочешь продолжить? Я ищу повод встретиться опять, он тебе нужен?

Мой подбородок немеет, потому что я перестала держать себя в руках. Я дышу так, что ребра расходятся! Смотрю на Охотника, пока его вопрос прожаривает меня изнутри. И я готова взорваться от того, что не выходит в сердцах сказать ему «нет».

Я просто молчу, вдыхая и выдыхая чертов воздух!

Пока в голове не яснее. На два процента, не больше, по-

тому что я все еще пылаю, но теперь в состоянии увидеть
свое отражение в глазах напротив, ведь зрачки Багхантера
растеклись по карей радужке!

Глава 15

Я борюсь со своим ступором бесконечно долго, а проснувшись, в сто раз сильнее чувствую сковавшие мой локоть тиски.

Я дергаю рукой, и Паша разжимает пальцы. В ту же секунду убирает руку, но я от этого свободнее себя не чувствую. Все еще дышу шумно, делая шаг назад, но теперь сказать какую-нибудь небылицу мне гораздо сложнее!

Эта трезвость злит, тем не менее я остываю достаточно, чтобы думать, что говорю. Чтобы отдавать себе в этом отчет. Чтобы сработали мои предохранители. Пусть и не все, но голова у меня хоть немного остывает, хотя пульс продолжает плясать и голос звучит звонко, когда я выпаливаю:

— Сообщи, когда его найдешь, тогда и поговорим.

Я проглатываю свои обиды. Гордость проглатываю! Мы оба знаем: мой ответ значит «да».

Да, да, да!

Хоть я и злюсь. На себя, на него...

Котел моих чувств слишком бурлящий, чтобы еще хоть пять секунд я могла смотреть в лицо Охотника, позволяя ему смотреть в мое.

Два шага назад — вот мои действия. Я отхожу на два шага, а потом разворачиваюсь на месте и пулей двигаюсь на шум шоссе. Выхожу из сквера и, не сбавляя скорости, спускаюсь в метро.

Эта поездка совсем не короткая, я забралась достаточно далеко от дома, чтобы провести в подземке почти сорок минут, но они пролетают перед глазами вспышкой. Прежде всего потому, что у меня в голове совершенно пусто!

Все мысли задавлены моей тахикардией. Я так отчетливо чувствую следы от жестких пальцев у себя на руке, что это место хочется расчесать. Любые мысли в голове разбегаются, и это, пожалуй, меня очень устраивает.

Я не была такой пустоголовой с тех пор, как Павел Красилов снова появился в ленте моих новостей.

Мне ничего не стоит прожить свой обычный день, кроме того, что, как и утром, сложно найти себе место!

Я за день не сделала ничего полезного, а это хреново, ведь мой отпуск скоро закончится, и придется проснуться по-настоящему. Включаться, концентрироваться и давать результат. Я пытаюсь включиться: первым делом утром захожу в почту, чтобы оценить, насколько она забита непрочитанными сообщениями, уже в следующую минуту сообщение падает на мой телефон...

baghunter: *«На сколько процентов ты оцениваешь свое настроение сейчас?»*

Я встаю. Резко. От этого заваленный одеждой стул падает

на спинку.

Мне точно известно соотношение между желанием общаться с ним прямо сейчас и не общаться: пятьдесят на пятьдесят. Есть желание взять от Охотника выходной! Так что я отвечаю в пылу своих желаний:

Я: *«Цифры — это про тебя, а не про меня».*

baghunter: *«Тогда опиши его одним словом».*

Я смотрю на эту строчку, вытянув в нитку губы. Смотрю целую минуту, прежде чем несколькими ударами по дисплею вывести:

«Хорошее».

baghunter: *«Достаточно хорошее, чтобы сделать для меня фото?»*

Я: *«Что ты хочешь увидеть?»*

baghunter: *«Тебя».*

В моем животе возникает горячий осадок. Он сильнее моих эмоций. В момент их перекрывает, хоть я и продолжаю вытянутой струной стоять посреди комнаты.

Мои фото сейчас — это действительно эксклюзив. Их почти нигде нельзя увидеть, по крайней мере, свежие, так что эта просьба из осадка делает настоящий щиплющийся ком.

Я провожу по волосам ладонью. Убираю их от шеи. Громко дышу в тишине своей квартиры, поднимая вверх телефон и наводя камеру на лицо, плечи и грудь, которая скрыта тонкой белой майкой с глубоким вырезом.

baghunter: *«Фак».*

Мои соски продолжают оставаться каменными, в том числе из-за этой скупой реакции, которая задевает меня сильнее любых других слов.

Он молчит целую минуту, создавая ощущение реального взгляда через экран. Оживляет нашу переписку очередным сообщением:

«Я могу выразить пожелание?»

Я: *«Смотря какое».*

baghunter: *«Не хочу опять загреметь в бан».*

Я: *«Это твоё пожелание?»*

baghunter: *«Да».*

Я: *«Ничего не могу обещать».*

baghunter: *«Я постараюсь хорошо себя вести».*

Этот флирт мне переварить уже не так сложно! Не сложнее, чем все остальное!

Я: *«Не поверю, пока не увижу».*

baghunter: *«Давай представим, что мы незнакомы».*

baghunter: *«Я бы сказал сразу после этого фото: хочу увидеть тебя в реале».*

На этом он заканчивает.

Просто уходит, выйдя из онлайна.

Мой ответ ему не нужен, и для меня этот маневр становится настоящей занозой — в голове, под кожей и в заднице.

По крайней мере, Багхантер согласен с тем, что нам лучше дозировать общение, иначе не ждал бы до утра, прежде чем снова появиться.

baghunter: *«Продолжим традицию?»*

Я: *«Какую?»*

baghunter: *«Фото».*

Пробежавшие по венам искры будят меня еще сильнее. Безжалостно будят. А отклик, который его просьба находит у меня в душе, непередаваемый. Я откликаюсь вся, даже кончиками своих волос, хоть контролирую себя отлично.

«Ты потерял дар речи?» — пишу я, выждав несколько минут после отправки фото.

Нижняя часть моего лица и верхняя — груди.

baghunter: *«Если честно, да».*

baghunter: *«Пытаюсь включить мозги».*

Я: *«Что думаешь?»*

baghunter: *«Когда мы встретимся, я ее трахну».*

Я отдергиваю руку от чайника, потому что обожгла пальцы. Мне обожгло сетчатку от соприкосновения взгляда с этой грубой откровенностью. Обожгло щеки и грудь притоком крови. Снова обожгло вены!

Я: *«Это обещание?»*

baghunter: *«Да».*

Мне хочется зашипеть.

Я: *«Я думала, ты не даешь обещаний».*

baghunter: *«Это я потяну».*

На этот раз из Сети выхожу я.

Швыряю телефон на кровать и грохаю дверь ванной, обеспечивая себе получасовой отдых от экрана!

Глава 16

Аделина

Эта переписка производит достаточно излучения, чтобы ощущать его даже в офлайне.

Весь оставшийся день до самого вечера и следующим утром. Возможно, Паша в курсе, ведь молчит, и мне это подходит!

Не только потому, что с меня пока хватит «ожогов», но еще и от того, что я пустила в голову мысль, к которой старалась не прикасаться. Теперь же она назойливая, и заткнуть ее не так просто.

Меня мучает вопрос... как он провел эти три месяца?

Помимо очевидного... работы, встреч с друзьями, его передвижений, всего этого круговорота, к которому я неравнодушна по элементарной причине — мне с первой встречи был интересен его мир.

Его мысли и образ жизни, потому что он как минимум противоположность мне самой, ведь я все еще в поиске себя, а Багхантер, кажется, абсолютно уверен в том, кто он есть, с рождения.

Помимо очевидного! Он был с кем-то? В эти три месяца.

Игнорировать эту мысль не выходит, ведь у меня куча свободного времени, чтобы раскладывать ее на варианты, от которых портится настроение и вкус попадающих мне в рот продуктов.

Я бы хотела, чтобы было плевать, но именно потому, что каждое его слово, каждое решение задевает меня на клеточном уровне, мне не плевать!

Между нами есть разница в возрасте, она составляет три года, и я о ней никогда рядом с ним не вспоминала.

Разница между нами заключается еще и в том, что я к своим мыслям чертовски чувствительна.

Я чувствительна ко многим вещам, если бы это было не так, Охотник не оказался бы в черном списке.

Это и есть я настоящая — ревнивая стерва!

Возможно, уже это повод нам держаться друг от друга подальше, я уверена, Багхантер не из тех, кому девушка... может ставить условия. Требовать... монопольного внимания пусть и не каждую минуту, но достаточно часто, чтобы это не было эпизодическим явлением.

Я не думала о последствиях, когда говорила ему «да»; о том, насколько большое минное поле наше с ним общение, из-за моей семьи в том числе. И сейчас не думаю. Если и злюсь, то только от того, что все гормоны в моем теле, кажется, перемешались!

Я: *«Что это?»*

baghunter: *«Я решил не искать долго повод».*

baghunter: *«Давай соберем пазл. Напиши дату и время».*

На экране, помимо прочего, набор координат, так что о каком пазле идет речь, долго думать не приходится: Паша предлагает встретиться.

Я не предпринимаю попыток выяснить, что за место он выбрал, хотя бы потому, что Охотник сбросил на меня эти координаты, застав посреди улицы. Пусть и в редком, но потоке людей, для которых я становлюсь препятствием, ведь вырастаю в тротуар. Не хочу, чтобы от этой переписки меня на ходу укачало!

Я успела узнать, что утро у Багхантера было насыщенное: тренировка, потом поездка на какое-то айти-событие, которое в своей ленте он представил короткой трансляцией, отказавшись позировать сам. Лично у меня это вызвало ощущение, что Паша побывал там для галочки и надолго не задержался. В любом случае мне досконально не известно, каким образом он распределяет внимание между всеми этими событиями.

Единственное, что известно мне наверняка: Багхантер контактный.

Эта мысль — маленькая стрела, которая залетает мне под кожу. С ней связано слишком много будоражащих воспоминаний, хотя других в отношении Багхантера у меня почти и нет.

Я набираю ответ даже быстрее, чем он осознается мозгом: *«Это с учетом твоего обещания?»*

Меня радует пауза, которую он себе берет. Наблюдать за его мыслительными процессами, как я и сказала, мой краш, а сейчас Багхантер явно думает, так как остается в Сети.

baghunter: *«Я буду настолько охуевшим, что скажу да».*

Я не обжигаюсь, я с каждым днем все лучше и лучше готова к тому, что прилетает мне с той стороны этой переписки. Все лучше и лучше. Будь это обещание трахнуть меня при встрече или нежелание Багхантера забирать это обещание назад!

Я: *«И какого ответа ты от меня ждешь?»*

baghunter: *«Я жду время и дату».*

Я: *«Ты всегда был таким самоуверенным?»*

baghunter: *«Я в процессе самопознания».*

Я: *«Что еще ты о себе узнал?»*

baghunter: *«Я не очень терпеливый».*

Мне в это очень слабо верится. От его терпеливости и взвешенности у меня всякий раз головокружение, именно поэтому каждое слово добавляет стрел под кожу.

Я: *«Сочувствую».*

baghunter: *«Что ответишь?»*

Я: *«Ты все еще не в бане только потому, что я успела выпить утренний кофе».*

Наша переписка взрывается смеющимися эмодзи.

Он шлет их целую дюжину, заставляя меня прикусить изнутри щеку и почувствовать знакомый порыв сквозняка в животе.

Я получаю «окей», закрытое сдержанной скобкой-улыбкой, спустя секунд десять после этого, но даже тогда Охотник остается в Сети. Первая ухожу я, в состоянии, когда рвануть вперед с места — как раз то, чего хочет мое тело. Слишком много энергии, которую хочется спустить, как очень горячую воду в кране. И отправляюсь я не в магазин нижнего белья, а в продуктовый!

Глава 17

Аделина

С недавних пор у меня появилась обязанность, которую я сама себе назначила, — радовать родителей приятными мелочами примерно раз в неделю. Даже если у нас всех по этому поводу эмоций мало, я все равно продолжаю это делать, ведь больше никому!

Набор фиточаёв, который лежит рядом со мной на парковой скамейке, — из этой оперы. Я купила его только что, мне по пути попался специализированный магазин.

С каждым разом быть оригинальной мне все тяжелее, но я продолжаю испытывать свою фантазию на прочность, и пока ее хватает.

В наших семейных традициях и помимо этого прибыло — матери каждый день звонит Макс, досконально перечисляя все, что с ним происходит в том учреждении, где он находится, таким образом родители контролируют ситуацию.

Я предпочитаю не быть свидетелем этих разговоров, причина — иногда мне не хочется ничего знать. Ни о том, как Макс поживает, ни о том, сколько с учетом инфляции стоит его адвокат, и с недавних пор я могу себе это позволить. Мне

не нужно объяснять родителям почему. Почему теперь я так уверенно пользуюсь своим правом на личное пространство.

Я отбиваю звонок от матери и отправляю следом сообщение «перезвоню». Боюсь запнуться, если она спросит, как у меня дела. Я могла бы ответить, что фантастически: я нормально питаюсь, много гуляю, и моя личная жизнь сдвинулась с мертвой точки!

Сбросив с ног сандалии, я ставлю пятки на скамейку и подтягиваю колени к груди. Тимур садится рядом, буквально падает, освободив себе место от коробки с чаем.

— У тебя в планах детокс? — спрашивает он, повертев набор в руке.

— Это для родителей, — отзываюсь я.

Тим потный после бега. Он снимает бейсболку и вытирает пот со лба. Как у моих родителей дела, друг не спрашивает, он в курсе, что они у нас хуже некуда. Тим даже в курсе того, с кем мой брат судится, но у нас это закрытая тема.

Я давным-давно предупредила Тимура о том, что ничего не хочу знать о Багхантере. Тим его эсэмэщик, но вживую они встречались один раз в жизни. Они общаются в Сети, и исключительно по работе. Общаются до сих пор, насколько я знаю, но это может быть и не так. Я не в курсе, ведь Тим к моему запрету относится очень ответственно.

Он возвращает на место бейсболку и откидывается на скамейку спиной.

— Какие новости? — интересуется Тимур.

— Новостей на сегодня нет, — отвечаю я.

Эта версия сейчас мне нравится больше!

И она почти близка к истине, ведь если считать, что эпицентром моих эмоций является одна личная переписка, то новостей действительно нет.

Она в режиме тишины со вчерашнего дня, а тот факт, что я так или иначе прислушиваюсь к телефону, отрицать бессмысленно.

Я еще не успела познакомиться с новостями Охотника в соцсетях, мне хватает тех ощущений, которые уже есть, — время от времени мне тесно в своей коже. Гадать, что сейчас происходит в его голове, — волнительно, если не сказать больше. Волнительно думать о том, как протекает процесс его самопознания!

Я бы могла поделиться опытом, рассказать, что значит быть оголенным проводом, только поделиться этим — все равно что остаться без кожи. К такому я и близко не готова, возможно... никогда...

Я резко смотрю в сторону, спрашивая:

— А у тебя?

— У меня нарисовался один стартап... — говорит Тим.

— Тема не кислая, большой проект. Работа не для одного, нужно человека три-четыре. С опытом. Почти такие же крутые, как я.

— Такие существуют?

— Знаю парочку.

Тряхнув головой, я чищу ее глубоким вдохом.

— Ты мне работу предлагаешь? — спрашиваю я, посмотрев на Тима.

— Да. Но ты вряд ли сможешь совмещать. Как на это смотришь?

Уволиться?

Кажется, отвечаю не думая теперь я только одному человеку...

Сейчас я думаю даже прежде, чем сказать:

— Можно обсудить.

Сделать это под кондиционерами я не против. Мы покидаем парк и добираемся до машины Тима за пять минут, в течение которых я думаю совсем не о его предложении...

Забравшись в салон, я складываю под грудью руки и вперяю взгляд в лобовое стекло, пока Тимур копошится в багажнике. Он меняет футболку и избавляется от бейсболки, «заменив» ее на солнечные очки, которые снял с козырька.

Я сосредоточенно слежу за тем, как меняется за стеклом картинка: вслед за оградой парка появляется перекресток и светофор, стоя на котором, Тимур ловит другую радиоволну.

Мои мысли ни черта не созревшие. Они в основном двигаются вразнобой в соответствии с тем бардаком, который представляют из себя мои гормоны.

Я пытаюсь запихнуть фиточай в сумку — вдруг получится, и он все-таки там поместится. Параллельно обращаюсь к Тимуру:

— Давно ты видел Альбину?

Сейчас для меня это имя значит примерно то же самое, что и три месяца назад, — доза радиации в крови.

Не знаю, каким образом, но нам удавалось не касаться Альбины естественным путем. Тимура ее дела никогда особо не интересовали, как и не интересовала она сама, если не находилась в связке со мной, а меня... я отгородилась от них баном, ведь именно Альбина составляла там Охотнику компанию.

Тим слегка удивлен, но его ответ я почти предвидела.

— Как бы да, — отвечает он. — Типа... весной.

Я, кажется, могу назвать день, но к некоторым воспоминаниям я тоже чувствительна, так что предпочитаю этого не делать.

— А в Сети? Что у нее нового?

— У нас, кажется, источник информации один и тот же.

— Я все пропустила.

Он издает смешок.

— Ну... — тянет Тимур. — У нее вроде как мужик появился. По крайней мере, это активно на витрине. Не парный контент, но уже не соло, — снова посмеивается он.

— Кто-то знакомый? — бормочу я.

— Нет... кажется, какой-то ютубер...

Я все-таки справляюсь с задачей испортить себе аппетит. Неудобно, ведь Тимур меня угощает! Я не спрашивала, куда мы едем, но мой друг не ест фастфуд, так что это точно не

«Макдоналдс».

Я все же надеюсь воспользоваться ситуацией, когда мы занимаем столик в кафе. Меню с картинками могло бы в этом помочь, но в этом месте оно без изображений и с минимальным описанием, да и то составлено в эпитетах, как в каком-нибудь мишленовском ресторане.

Я изучаю обстановку, пока официант наливает нам воды. Плаваю взглядом по полу, потолку и столикам, пока «прогулку» не обрывает столкновение с глазами... Багхантера.

Глава 18

Я слышу вопрос Тимура издалека.

Направленный на меня взгляд — как лазерный прицел. Как кипяток. Я и сама не отстаю — не трачусь на то, чтобы моргать, вместо этого позволяю Охотнику обжигать мне сетчатку.

Он за большим круглым столом в центре зала. Не один. С ним еще человек пять, я не уверена, что подсчитала правильно, ведь мои математические способности вышли на перекур!

В отличие от Багхантера, я воспринимаю мир через визуализации, а не через цифры. Мои визуализации таковы: все сидящие за столом — мужчины; часть из них одета в деловой стиль — пиджаки, рубашки и брюки. Паша не в их числе, на нем футболка.

Охотник неподвижен, как и его взгляд, и, если в нем было удивление, я это пропустила, ведь Паша наблюдает за мной, очевидно, уже некоторое время.

Как давно?!

Я перевожу обожженный взгляд на Тимура.

Друг листает меню, и мои глаза на нем отдыхают. Пятисекундный отдых, прежде чем опять нырнуть в воронку, которую собой представляет взгляд Багхантера. Ведь он продолжает прожигать меня лазером через те пять метров, которые

нас разделяют.

Случайная встреча с ним — это последнее, что сегодня мне было нужно! Это точно не то, к чему я стремилась. Не то, что я предпочла бы, даже будь выбор, потому что мои мысли и чувства очень близки к поверхности, а это значит, я чертовски чувствительна. Но основная причина в том, что я к ней не готова!

Кажется, Паша и сам не знает, что с этой встречей делать.

Судя по тому, что он как будто ищет ответ на лице у меня, продолжая оставаться неподвижным. Его взгляд перетекает на моего соседа по столу, а через секунду Паша все же двигается — подтягивается на стуле и выпрямляет спину.

Что он собирается сделать, я осознаю мгновенно и тоже реагирую — выбросом адреналина в кровь.

Теперь я в курсе, что он все же соблюл кое-какую официальность — на нем джинсы, а не шорты, даже несмотря на жару. Я узнаю об этом, когда Багхантер встает...

Мой взгляд резко перепрыгивает на Тимура. На этот раз Тим ловит его и слегка выгибает брови, очевидно, удивленный тем, что за каких-то три минуты у меня как будто подскочила температура.

Он даже успевает открыть рот, чтобы озвучить ситуацию, но Охотник подходит к нашему столу раньше...

Я скидываю на Павла взгляд. Тим тоже. Он поворачивает голову, тормозит секунду, прежде чем на его лице появляется удивление.

— Ого... — коротко произносит Тимур, прежде чем встать. — Привет...

— Привет.

Паша принимает протянутую ладонь, но, в отличие от моего друга, двигается резко. Резко, энергично, словно у него внутри принципиально другой реактор, и это так!

Они разные, будто из разных измерений. К решению любого вопроса они подошли бы не то что с разных сторон, а, возможно, даже с противоположных. Эти мысли пока еще умещаются в моей голове, но ненадолго, их вытесняет откуда взгляд Тимура.

Вопросительный.

В ответ на него я просто слегка качаю головой, имея в виду, что все нормально...

— Как успехи? — спрашивает Тим слегка смешливо.

— Лучше всех...

— Зачет.

— Можно я сяду? — Паша указывает подбородком Тиму за плечо. — На пару слов...

Он указывает на стул, который мой друг освободил, встав на ноги. На единственный свободный, ведь столик у нас с Тимуром на двоих. Фактически Охотник предлагает Тиму погулять, и тот лишь секунду медлит с ответом — снова смотрит на меня.

Я опускаю глаза, схватившись за меню.

Тим понимает правильно — отходит. Куда — мне не суж-

дено узнать: как только Багхантер усаживается напротив, периферийное зрение у меня отключается.

Мы смотрим друг на друга с расстояния вытянутой руки и, кажется, думаем об одном и том же!

Глава 19

Я прокручиваю в голове то, что слышала от Тимура по дороге от машины до места. Очень внимательной меня не назвать, но я могу сделать хромой вывод - наверное, мой друг и Багхантер смотрят одну и ту же рекламу в интернете. Это один из вариантов того, как могла произойти эта встреча. Один из, на остальные меня не хватает. Она уже произошла, какая разница, как?!

Лицо Охотника только слегка заросло щетиной, в волосах легкий беспорядок, но это нормальное состояние для его стрижки: короткие виски и длина на макушке. Его волосы слегка выются, когда отрастают. В живую я это увидеть не успела, только на фотографиях...

Я без стеснения смотрю в его лицо, считывая детали, от которых так тесно внутри. Цвет его глаз в этом освещении кажется почти обычным. Я ни одну деталь в нем не воспринимаю отдельно, только все вместе. Все! Включая его айкью, внешность и голос, который щекочет мне слух, когда, посмотрев на свои часы, Паша сообщает:

— Я освобожусь через пятнадцать минут.

Не знаю, какой черт тянет меня за язык, но я сообщаю в ответ:

— Можешь не торопиться. Секс сегодня в мои планы не

входит.

Он словно все еще в движении. Заряженный. И меня засасывает туда же - пульс настойчиво не желает притормозить, правда у меня есть оправдание - эффект неожиданности.

Багхантер слегка откидывается на спинку стула и переваривает мое заявление, сверля на моем лбу дыру.

Разумеется, я его обещание сейчас всерьез не воспринимаю. Он, разумеется, тоже. Он взвешенный! Знакомо для меня и головокружительно.

Павел втягивает в себя воздух и с терпением спрашивает:

— А что входит в твои планы?

Я отвечаю с долей наигранного кокетства:

— Это государственная тайна.

— Я все же в них вклинюсь, — говорит Паша.

— Каким образом?

— Составлю тебе компанию.

— Она уже у меня есть.

— Моя будет лучше.

Я реагирую запальчиво!

— Опять твоё сомнение?

— Не нравится?

— Нет.

Его терпение на этом, кажется, заканчивается.

Паша встает, оттолкнувшись ладонями от подлокотников стула.

Через секунду он тянет вверх меня, заставляя поднять-

ся. Захватив тисками пальцев мой локоть, Паша подтягивает меня к себе так близко, что мы касаемся не одеждой, а телами.

Наверное, именно сейчас я начинаю остывать, ведь не сопротивляюсь!

Не произношу ни слова, пока взгляд Багхантера спускается по моему лицу к губам, на которые Охотник смотрит.

В тело возвращается память, от этого губы начинают зудеть.

Я сказала почти обычные?! Нет, его радужки в миг темнеют, становятся горьким шоколадом. Можно ли растопить в нем мои чертовы обиды?! Я об этом не думаю, мне слишком хотелось его касаться. В реальности. Бороться не получается, даже руку между нами выставить или хоть на полшага отойти.

И я продолжаю смотреть на него запальчиво.

Не стесняясь, предлагая ему видеть меня настоящую: мое дерьмовое настроение, мою несдержанность, импульсивность, а не ту фейковую версию, которую я преподнесла ему тогда, три месяца назад...

Паша втягивает воздух. Крылья его носа вздрагивают.

Я сглатываю слюну, наконец-то опуская взгляд на его губы.

Губы Охотника приоткрываются...

Он оборачивается через плечо. Смотрит вокруг, смотрит на меня.

Что именно он в своей голове взвешивает я понимаю, когда, теснее сжав кольцо пальцев у меня на локте, Паша тянет меня за собой.

В этот раз через зал ресторана, где все залито ярким дневным светом настолько, что я чувствую себя голой под случайными взглядами присутствующих. Ведь мои чувства близки к поверхности!

Все это достаточно неловко - из туалета нам навстречу выходит мужчина, еще один закручивает кран, стоя перед общим умывальником. Несмотря на то, что он тоже уходит, это неловко, ведь здесь тесно и совершенно не приватно, хотя не так дискомфортно, как в период бизнес-ланча посреди ресторанного зала.

Я наконец-то упираюсь ладонями ему в грудь.

Перемещаясь вдоль стены, к которой Паша вынудил меня прижаться лопатками. Он упирается в нее своими ладонями, окружив мою голову, но уже через мгновение его рука проскальзывает мне на талию, и Багхантер прижимает меня к себе.

Я знаю, чего ожидать, но даже несмотря на это, в тело со всех сторон вбиваются иглы. Иглы удовольствия. Крепко, твердо - вот как Паша ощущается, но я хочу еще крепче. От этого готова заорать!

Впившись пальцами в каменные мышцы на его плечах, я слышу его отрывистые слова:

— Можешь озвучить свои желания? Я не всегда твои сиг-

налы понимаю.

— Я же говорила, что будет трудно, — проговариваю я ему в лицо.

— Пока терпимо, — режет Багхантер.

Он снова смотрит на меня так... приоткрыв губы, рисуя вокруг моих глаз круги.

Несмотря ни на что его глаза ясные.

Он отдает отчет. Всему происходящему, в том числе нашему физическому контакту, ведь ни на секунду не ослабляет хватку и не усиливает ее. Словно нашел чертово среднее арифметическое! И даже стук его сердца, который чувствую грудью, не назвать бешеным, оно просто слегка торопится.

Он отдает отчет всему, я вижу это по его лицу, взгляду.

И даже, когда бросив резкий взгляд на дверь, Багхантер бегло осматривает помещение общего туалета, а потом протягивает вперед руку и с силой толкает дверь свободной кабинки у меня за спиной...

Глава 20

Я не зад

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.